Я тебя рисую

Автор:
Марина Суржевская

Я тебя рисую

Марина Суржевская

Я жила у зеленых холмов Идегоррии, где растут исполинские деревья и искрятся хрустальные водопады. Я рисовала этот мир, изменяя реальность, ведь я – созидающая. Я была счастлива. Но моя жизнь изменилась в тот день, когда я стала пленницей у чужеземного захватчика. У него белые волосы, огненные глаза и тело воина. Я знаю, кто он – арманец, демон Ранххара. Тот, о ком говорят шепотом, чтобы не накликать беду. Он принес в мой мир смерть и кровь, разукрасил красным и черным, он стал тем, кому я поклялась отомстить.Только в мире все совсем не так, как я привыкла думать…

Марина Суржевская

Я тебя рисую

Глава 1

– Эй, ты снова там уснула, энке?

– Не называй меня так, – привычно буркнула я. Впрочем, ни злости, ни обиды я не испытывала. Да и как их испытывать, если этот темноглазый паршивец обзывается все девятнадцать лет моей жизни? Сколько себя помню, братец очень любил меня позлить.

– И что за мазня на этот раз? – поинтересовался он, придирчиво окидывая взглядом холст. – Опять это??? Энке, сколько можно? Почему ты снова нарисовала это место?

Я пожала плечами и облизнула губы. На языке остался сладковатый привкус краски, значит, я снова не заметила, как взяла кисточку в рот. Глупая привычка, от которой с детства не могу избавиться.

Люк приложил ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в раскинувшееся перед нами озеро.

– Нет, ты объясни! – не унимался он. – Вот объясни! Перед тобой такая красота! Озеро чистейшее, водопад хрустальный, в воду сосны смотрятся, каждый камушек на дне видно, каждую рыбешку. Небо лазурное, облака, словно взбитые сливки. Кра-со-та! А ты что нарисовала? Вот что?

– Отстань, – буркнула я и прищурилась, рассматривая картину. Если я всегда была увлечена рисованием, то Люк с самого детства обожал слова. Он играл с ними, словно на нить нанизывал, собирал в длинные изящные предложения, создавая из известных букв что-то поистине удивительное и новое.

Меня всегда восхищало это в брате. Впрочем, ему я об этом не говорила. Потому что, несмотря на свой талант, он все равно был редкостным засранцем.

– Энке! Ты где? Ау?

– Отвали! – рявкнула я, когда Люк попытался схватить меня за ухо и нарочито покричать в него, словно в рупор. – Пошел вон, придурок! И не называй меня энке!

– А кто же ты? – схохмил гаденыш. – Ты себя в зеркало видела? Энке и есть!

Я отпихнула его от себя и потянулась к тряпке – вытереть руки. Я предусмотрительно надела короткое платье до колен и без рукавов, и, конечно, вся испачкалась в краске. А если учесть, что мне опять захотелось нарисовать ту самую картину, то и краски в основном были темными: черно-синяя, немного темной охры и жженой умбры, вкрапления малахитовой зелени и самая малость

кобальта. И очень много огня – красно-черного, жгучего, как перец, страшного, как смерть.

Люк демонстративно сплюнул, а я поморщилась.

– Веди себя прилично.

Он снова плюнул – смачно, с оттяжкой, и я, не удержавшись, стукнула Люка по вихрастой голове. Это я зря, конечно, потому что мерзавцу только этого и надо было. Скрутил меня за секунду, повалил на траву и сверху уселся. И давай меня в землю лицом тыкать.

– Проси прощения, презренная энке! – выкрикивал паршивец, а сам еще и ржал, как лошадь. Я извивалась ужом, пытаясь сбросить его с себя, но какое там! Мой братец – даром, что старше всего на год, но уже на голову выше и гораздо крупнее меня. Собственно, он удерживал меня в таком положении, кажется, вообще без усилий.

– Убью! – вопила я, пока этот гаденыш хохотал. Почему-то с самого детства у Люка любимое развлечение – издеваться над младшей сестрой.

– Проси прощения! – гоготал он.

– Слезь с меня! Придурок!

Он снова ткнул меня лицом в землю.

– Энке! Проси прощения!

– Я тебя в озере утоплю! Задушу… ночью… Вот только…

– Только что, энке? – издевался Люк. – Только личико умоешь?

Не знаю, каким чудом все-таки удалось вывернуться. А вернее, не чудом, просто братцу надоело меня держать, вот и ослабил захват. Я перевернулась, а потом резко ударила зазевавшегося Люка босой пяткой в голень.

– … ты! – резко выдохнув, ругнулся он.

– Все Таре расскажу! – пригрозила я, но от греха подальше отскочила от разъяренного братишки.

– Убью! – заорал он.

Я завопила и кинулась вниз по склону. Мягкая трава приятно щекотала ноги, и нестись по ней было одно удовольствие. Люк вопил на пригорке, но уже беззлобно, и, кажется, бежать вслед не собирался. Это правильно, потому что не зря меня прозвали «крылатой». Догнать меня было не так-то просто.

– А я твою мазню сейчас в озеро скину! – припугнул братец. – Ева! Иди сюда немедленно!

Я хмыкнула. Ага, уже и имя мое вспомнил. Не энке, значит. Ну-ну.

Несмотря на угрозы, я знала, что Люк никогда не покусится на мои рисунки. Как бы мы ни злили друг друга, но разрушить что-то из созданного нами было немыслимо. Никогда, ни при каких условиях я не тронула бы его рукописи, а он – мои холсты. В общем, на этот счет я была спокойна. К тому же убежала я уже довольно далеко и побрела под сенью леса, легко ступая по чуть влажному мху. Чуть глубже зайди, и набредешь на заросли дикой малины, сладкой, душистой. К ней я и отправилась, решив подкрепиться, пока брат успокоится. Люк не злопамятный, долго злиться он не умеет. Так что через полчасика, когда вернусь, он наверняка уже будет валяться на травке, жевать соломинку и глазеть в облака, сочиняя какой-нибудь сонет.

Ягоды наполнили рот сочной, ароматной мякотью, и я зажмурилась от удовольствия. Присела возле куста, набирая полные ладошки малины и раздумывая, стоит ли принести немного противному брату. Но потом вспомнила, как он возил меня лицом по траве, ухмыльнулась и отправила всю сладость в рот. И чуть не застонала от блаженства. И хмыкнула. Главное – отмыться теперь. А то мало того, что я в красках, так еще в соке травы, кусках земли, а теперь вот и в красных ягодных разводах. Если Тара увидит меня в подобном виде, ее удар хватит.

Я захихикала, представив себе эту картину, и потихоньку пошла к озеру, доедая ягоды. Влажный мох чуть пружинил под ногами, тихо шелестела листва, пели птицы… Птицы? Я прислушалась и нахмурилась. Странно, но ни одной птичьей трели слышно не было. И это в лесу, в полдень, в ясный и погожий день? Может, гроза идет?

Раздумывая над странным поведением пичуг, я остановилась, закинула голову. Свистеть меня научил братец еще лет в шесть. Мы прятались за конюшней и там свистели до тех пор, пока не начинали ныть щеки. Или пока не приходил разозленный конюх и не прогонял нас. Но тогда мы попросту перемещались на задний двор, за пристройки для прислуги.

И сейчас я легко свистнула, подражая песне малиновки. Прислушалась, но в ответ не раздалось ни звука.

Внезапно стало не по себе. Показалось, что кто-то стоит в зарослях, наблюдая за мной. Зверь. Хищник. Тот, кого учуяли птицы и замолчали, опасаясь привлечь к себе внимание чудовища.

Я передернула плечами и взглянула на пригорок. Он просматривался отсюда сквозь заросли ольхи и лиственницы, а там был Люк, свет, безопасность… совсем близко. И чего я испугалась, глупая?

Вздохнув, я пошла в сторону озера, стараясь не бежать и не желая признаваться себе, что струсила. Но возле воды мой странный и необоснованный страх показался мне глупостью. Здесь, в тихой заводи, было столь мирно и безмятежно, что все опасения мгновенно вылетели у меня из головы. Еще раз оглянувшись на притихший лес, я пожала плечами и стянула платье. Я не боялась, что меня увидят. Здесь просто не могло быть посторонних.

Тронула ногой воду и улыбнулась. Нагретая на солнце, она ласково коснулась моей кожи, словно поцеловала. И с радостной предвкушающей улыбкой я пошла в водоем, с каждым шагом погружаясь все глубже. Знакомое с детства озеро мягко приняло меня в свои объятия, словно поглаживая набегающей мягкой волной. Я нырнула, открыв глаза в глубине, скользнула мимо затонувшего в прошлом году ствола сосны и выплыла почти у водопада, откидывая назад волосы. И, охнув, хотела заорать, но мне этого не позволили, прижав к крепкому телу и закрыв рот ладонью.

– Тихо, – мужской голос прозвучал выше моей головы, и я замерла.

Но не от того, что послушалась. А от того, что онемела от ужаса. Голос был не просто незнакомый. Чужак был нездешний. В его голосе мягко перекатывались пурпурный амарант и цвет серого железа. Он был чуть хриплый, словно жженый кофе, и жуткий, как бесконечный черный.

– Тихо… – теперь он наклонил голову так, что моей щеки коснулись чужие губы. И оставили на ней влажный след.

Я дернулась в панике, осознав, что этот мужчина с жутким голосом меня… лизнул?

– Сладкая… – хрипло сказал он, продолжая прижимать меня к себе.

И тут я осознала еще одну пугающую деталь. Нет, не пугающую. Шокирующую. Настолько, что если бы незнакомец не закрывал мне рот, я уже визжала бы на весь лес. Да какое там! Мой дикий вопль наверняка разбудил бы и батюшку в его покоях!

Потому что прижимающееся сзади тело было… обнаженным. Всей своей кожей, каждым ее кусочком я ощутила это тело: твердое, словно камень, горячее и… у-у-у… мне захотелось взвыть. Мужчина однозначно был возбужден.

Все-таки я выросла с братом и о некоторых отличиях между телами мужчин и женщин узнала давным-давно. И сейчас в мою поясницу упиралось как раз это самое отличие. Да так, что угрожало меня проткнуть, словно вертел жареную куропатку!

– Сладкая, яркая энке… Красивая… – медленно и чуть слышно протянул чужак, и мужская ладонь легла на мои бедра, поглаживая их.

Я вздрогнула.

Темный дух меня забери! Да он что же, принял меня за дикую лесную энке? Нет, ну брату я еще могу позволить такую наглость, но постороннему?! Злость придала сил, и, вспомнив наши с Люком потасовки, я резко двинула локтем

мужчине под ребра, одновременно выворачиваясь из захвата и уходя в воду. Нырнула, набрав воздуха, рванула в сторону, под водопад, зная, что за стеной воды есть подземный грот. Но чужак в жизни его не найдет! Глаза привычно открыла, осмотрелась не останавливаясь. В глубине – лишь покачивающиеся водоросли, и никаких признаков незнакомца. Я снова сделала сильный гребок, уходя еще ниже, к самому дну, туда, где козырьком нависали стены грота. Лаз был узкий, маленький, даже Люк туда не мог пройти. Сердце колотилось, как сумасшедшее, сжигая воздух, перед глазами уже мелькали пятна оранжевого цвета…

Я коснулась рукой скалы. И в то же мгновение чужая ладонь прикоснулась к моей спине. Паника взорвалась внутри мешаниной красок, я обернулась настолько резко, насколько это вообще возможно в толще воды. Мои длинные волосы на миг закрыли обзор, но когда прядки освободили лицо… От подступившего к горлу страха, кажется, сгорел весь воздух в моем теле. Потому что на меня смотрел арманец. Это был он, точно он, хотя я никогда не видела живого арманца. Но эта внешность знакома каждому ребенку в королевстве. Мощное сильное тело с гладкой кожей. Совершенно белые длинные волосы. Желтые звериные глаза. Тара говорила, что огонь их сущности выжигает почти все краски с тел арманцев. И, будучи ребенком, я всегда недоумевала, как такое может быть…

И сейчас один из них, один из проклятого племени белых демонов, спокойно смотрел на меня сквозь толщу воды. Более того, он улыбался, приближаясь. Кажется, его забавляла эта игра… Я оторвала взгляд от лица, вокруг которого плавали белесые пряди, и мельком глянула на тело арманца. О духи земли и неба! Да он же просто огромный! Даже верзила Хлыст – и тот не такой мощный! Конечно, в воде все предметы кажутся больше, но сдается мне, что и на суше это чудовище окажется не намного меньше!

Понимание вывело меня из ступора, я рванула в сторону, уцепилась за скалу и ударила демона пятками в живот. Сразу обеими и сильно, как только смогла. А стоило арманцу на миг отклониться – скользнула в лаз, отчаянно страшась, что не успею, что он выдернет меня за ногу, схватит. Воздух закончился, отчего в груди жгло огнем. И почти теряя сознание, я вынырнула в подземной пещере, жадно дыша и откидываясь на спину. Но отдыхать не стала. Хоть и знала, что лаз маленький и узкий, но все же было не по себе. О способностях арманцев ходили легенды, вдруг он действительно может обернуться змеей и пролезть за мной следом?

Сама не своя от ужаса, я доплыла до кромки воды и вылезла, стуча зубами. И только тут подумала, как я без одежды выйду из пещеры. Но даже это уже не казалось мне таким страшным, как оставшийся в озере демон.

И следом пришла еще одна мысль. Арманец. Во владениях короля. Совершенно спокойно купается в Озере Жизни, заповедном и недоступном для всех, кроме королевской семьи.

Это… вторжение?

Дрожь колотила меня все сильнее, и я уже не знала, от чего – от холода или сдавливающей горло паники.

?

К счастью, я довольно часто бывала в этом гроте и пещерах, любила слушать здесь тишину и смотреть на подземное озеро. Иногда – рисовать. И потому, зная свою способность перепачкать все, что только возможно, всегда держала тут запасное платье, чтобы Тара не слишком ругалась, когда я снова появлюсь дома, как чумазая проходимка.

И сейчас я натянула простое серое одеяние – торопливо, не попадая в рукава. Дрожащими руками застегнула многочисленные пуговички. Вода с волос капала на ресницы, и я раздраженно откидывала мокрые пряди, ткань липла к телу, не желая расправляться, а петельки путались. Плюнув, я застегнула их через одну и выскочила из пещеры.

Через холм я неслась, как сумасшедшая, уже у подножия пригорка истошно завопив:

– Люк!!! Люк! Скорее!

Голова брата показалась над зарослями, и он сделал мне страшные глаза, пытаясь что-то сказать, но я не обратила внимания.

– Люк! Арманцы…

– Антарея Евантреида! – громогласно и как всегда высокопарно протянул женский голос, и я привычно вздрогнула. Все-таки наша наставница порой казалась мне страшнее всех белых демонов на земле.

Люк скривился и закатил глаза, пользуясь тем, что стоит перед Тарой так, что она не может видеть его лицо. Но наставница, похоже, обладала сверхъестественным зрением. Или просто хорошо нас с братцем знала. Как бы там ни было, она отвесила Люку подзатыльник, и он сконфузился, не смея возразить. Порой меня очень веселило, что крупный двадцатилетний братец теряется перед сухонькой, неестественно прямой Тарой, едва достающей ему до плеча.

Впрочем, один лишь авторитет нашей суровой наставницы возвышал ее до невообразимых высот. Она окинула меня возмущенным взглядом.

– Антарея Евантреида, – Тара приподняла бровь, что выдавало высшую степень ее негодования. – В каком вы виде, юная виа? Что за дикое своеволие? Вы похожи на лесную энке!

Я чуть не завопила. Да я всегда на нее похожа! И что с того?

– Демоны! – выпалила я. – Белые демоны! Я видела одного в… – я запнулась. Все-таки рассказывать, при каких именно обстоятельствах я видела арманца, не стоило. – Возле озера! Я видела его возле озера!

– Ты уверена? – Тара быстро осмотрела меня.

– Да!

И, видимо, что-то в моем взгляде все же заставило наставницу поверить, что мне не почудилось, и что я не витаю в своих воображаемых картинах.

– Быстро во дворец, – резко приказала она, обшаривая прищуренным взглядом кромку леса и безмятежное озеро. – Живо!

Люк хотел было возразить, но один взгляд на Тару убедил его этого не делать. Впрочем, и сама наставница не собиралась оставаться на холме и,

развернувшись, пошла в сторону здания.

– Люкреций, Антарея, не отставайте!

Мы слаженно скривились от упоминания наших полных имен, схватили мои краски и холст и бросились вслед за Тарой. Лишь на миг задержавшись, я окинула взглядом пейзаж. Но ничего пугающего или настораживающего не заметила. И птицы снова пели…

?

По тревоге были подняты крылатые стражи, а нам с Люком запретили покидать пределы дворца. Целую неделю. Так что мы уже изнывали от скуки! Но ослушаться батюшку, конечно, не посмели. К тому же если брат и сомневался в том, что мне не привиделось, то я-то была твердо уверена! Арманец точно был – живой, а не воображаемый, как уверял меня и окружающих Люк.

Я слишком хорошо помнила мокрое тело и руку, прижимающую меня, не дающую двигаться. И лицо в воде, и длинные белые волосы, плывущие за ним. И глаза. Эти глаза мне снились, и я просыпалась с воплем ужаса, так что кормилица Кармели всерьез за меня переживала и оставалась ночевать в моей спальне. И это при том, что я давно взрослая! Но, побухтев для вида, я вздыхала с облегчением, зная, что кормилица рядом.

Стражи никого не нашли. Я была благодарна отцу за то, что он не усомнился в моих словах и ни разу не позволил себе посмотреть с недоверием, как Люк, и пробурчать: «А может, тебе снова померещилось, Ева?»

Нет, отец воспринял мое сообщение не только с доверием, но и с глубокой тревогой, которую он столь тщательно скрывал от нас, своих детей. Но мы все равно ее замечали. Я не лезла в политические дела, у меня была совсем другая жизненная задача, это Люк когда-нибудь наденет корону и возьмет в руки жезл управления королевством. Но я принцесса и, конечно, знаю, о чем шепчутся придворные. В коридорах нашего летнего поместья, как и в столичном дворце, слишком много закоулков и тайных ходов, а я всегда была слишком любопытным ребенком. И частенько сидела за гобеленом в кабинете короля, прислушиваясь к разговорам, в которых решались судьбы наших рас. Конечно, отец знал о моем

присутствии, но не возражал. Во-первых, он считал, что наследники должны быть в курсе происходящего в мире, во-вторых, понимал, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не сможем ничего рассказать врагам или просто сболтнуть по глупости. Наша кровь не позволит нам этого сделать.

Так что я знала, насколько неспокойно на границах с миром арманцев. Стена стояла прочно, крылатые стражи несли свою службу исправно, контролируя подступы в наш мир, но все же то здесь, то там случались набеги и локальные вторжения. Это было похоже на укусы змеи – стремительные, неожиданные, болезненные, но пока не смертельные. Словно ядовитая кобра вздумала поиграть со своей жертвой и жалила, насмехаясь. К тому же все чаще стали пропадать люди. Когда я слушала доклады первого советника о вторжениях демонов, мой мир окрашивался в тревожные цвета лилового и багряного. Такие же, как на моих картинах…

Но за неделю стражи так и не нашли никаких следов арманца. Словно он просто испарился. Или почудился мне. И вот эта невидимость, и столь дерзкое проникновение на территорию королевства испугали меня до колик. Ведь демон не только не боялся, он чувствовал себя спокойно и даже вольготно, он собирался развлечься… кем же надо быть, чтобы так вести себя в самом сердце вражеской территории? Кем?

Ответа на этот вопрос я не нашла, но воспоминания сильно портили настроение. И тревога не отпускала. Я даже ничего не рисовала, словно не могла взять в руки кисть. Прошла еще неделя, и нам с Люком разрешили покидать дворец, правда, теперь рядом всегда находились крылатые стражи, так что о купании голышом в озере можно было забыть. Впрочем, мне и не хотелось лезть в воду, каждый раз я с содроганием вспоминала лицо арманца и нервничала.

Но постепенно я успокоилась. Через месяц уже не вскакивала среди ночи с воплем, да и кошмары почти перестали меня мучить.

К нам собиралась делегация фойров, и поместье в честь гостей украсилось цветами циана и ультрамарина. Всюду развесили голубые и лазурные шелка, имитирующие волны, украсили помещения колбами с рыбками и морскими звездами, а дорожку – ракушками и белым песком. Приготовления в поместье шли полным ходом, и это отвлекало от воспоминаний и тревожных мыслей. Я нарисовала морской пейзаж, который тоже повесили в главном зале.

Конечно, летняя резиденция была значительно скромнее, чем наш дворец в столице, но и она поражала красотой и гармонией. И если честно, я любила поместье на Озере Жизни гораздо больше помпезного и роскошного дворца.

Фойры были уже на подъезде к порталу, а я все никак не могла выбрать платье. Впрочем, это для меня обычная проблема. Мои служанки устали предлагать мне наряды и уже, кажется, перетаскали сюда весь гардероб, который был далеко не маленький! Я почти потерялась в бесконечном ворохе кружев, шелков, батиста, рюшей и оборок! Кармели возлежала на кресле, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень утомления.

– Ева, тебе идет синий, – в очередной раз попыталась убедить меня кормилица.

Я скривилась. Порой моя чрезмерная чувствительность к цветам и их сочетаниям играла со мной злую шутку. Цвета я не просто видела. Я их ощущала кожей. Слышала ушами. Вдыхала, как запах, и чувствовала на языке. И то, что для всех остальных было просто синим, для меня дробилось на множество оттенков, сплеталось в бесконечное количество тонов света, тьмы и переходов от одного к другому. Потому мне иногда так трудно было определиться и выбрать что-то подходящее.

Проблема усугублялась моей внешностью. Не зря братец всю жизнь дразнил меня лесной энке. Я действительно была не похожа на представителей нашего рода – темноволосых и кареглазых. Во мне всего было… слишком!

Я бросила быстрый взгляд в зеркало и вздохнула. Слишком яркие, темно-рыжие с брусьяным красным оттенком волосы. Кожа золотистая, с мазками бронзы на скулах. Губы словно дикая малина. И глаза… Ну почему мне не достались такие глаза, как у Люка или отца? Красивые и глубокие, темно-карие, похожие на лесные каштаны? Нет же! У меня радужка сверкала малахитовой зеленью и светилась серебряными искрами афалина.

И вот как с такой внешностью обижаться на снисходительное «энке»? Ведь только лесные девы столь щедро наделены красками! Правда, их в нашем мире почти не осталось. Энке – дети природы, они были почти неразумны, словно звери. Даже говорить не умели. Наш прадед пытался охранять лесных дев, потому что другие расы слишком часто ловили их для развлечения. Неоспоримым достоинством дикарок была красота, а недостатками –

совершенная необучаемость и разум, близкий к звериному. И потому такое сравнение для меня, наследницы короны, было просто оскорбительным.

Я вздохнула и, сдавшись, ткнула пальцем в ближайший ворох тканей.

– Это надену. И хитар принесите, – я окинула выбранное платье быстрым взглядом. – Палевый, – горничные переглянулись, и я привычно пояснила: – Розовато-бежевый…

Через час я была готова и поправляла перед зеркалом складки хитара, скрывающего пламя моих волос и покровом спускающегося на плечи. Благо, брови и ресницы у меня темнее, так что под слоем пудры и краски, призванной скрыть мою природную яркость, я выглядела даже прилично.

Скромное платье до пола нежного оттенка розового пепла с высоким кружевным воротником, жемчужными пуговичками и длинными, несмотря на жару, рукавами. Конечно, в моих легких платьях было гораздо удобнее, но я никогда не спорила и не роптала против норм этикета. Более всего я боялась подвести отца или увидеть в его глазах неодобрение. Поэтому все необходимые церемонии всегда выполняла безупречно. Батюшка был очень добр к нам с Люком, никогда не стеснял нашу свободу – до разумных пределов, конечно, и всегда находил для нас время, несмотря на чрезмерную занятость, так что мы старалась не расстраивать его.

Стоило мне подумать о нем, как дверь открылась, впуская короля Идегоррии.

Горничные склонились, приветствуя Его Величество. Я тоже присела в реверансе, но тут же выпрямилась и бросилась отцу на шею.

– Папа! Какой ты сегодня красивый!

– Ева, – он с улыбкой чуть отстранил меня, рассматривая. Тихонько вздохнул. – Ты тоже, милая. Хотя под слоем всех этих белых красок я почти не узнаю свою дочь.

– Ничего, как только гости покинут дворец, я снова превращусь в твою дикарку! – рассмеялась я, с удовольствием рассматривая короля.

Право, втайне я считала отца и брата самыми красивыми мужчинами на земле. Люку я, конечно, никогда подобного не сказала бы, напротив, всячески его дразнила и подтрунивала, но вот отцом любовалась открыто. Да и не только я. Энгер Арвалийский считался красивейшим мужчиной королевства вполне заслуженно. Даже в своем почтенном возрасте он оставался стройным и подтянутым, с сильными руками скульптора и трепетными пальцами живописца. Глубокие темные глаза с вкраплениями золота всегда смотрели на мир с неизменным выражением добра и понимания. Аккуратная борода обрамляла твердый подбородок, а волосы всегда были собраны низко на затылке изящной серебряной заколкой. Это был подарок жены, с которым Энгер никогда не расставался. В детстве, помню, я очень любила рассматривать вещицы, сделанные мамой, каждый раз поражаясь, как из металла и камней можно создавать столь невесомые и ажурные украшения. Как жаль, что саму матушку я совсем не помнила…

– Ты так похожа на Ирис, – светло улыбнулся отец.

Я знала, что внешне пошла в родительницу, хотя и отличалась характером. Королева слыла очень мудрой и спокойной правительницей. После ее ухода за реку Бытия отец так и не женился вновь. Хотя, конечно, у него были фаворитки, но к этой стороне мужской жизни я относилась с пониманием. Лицо короля омрачилось тенью грусти, как бывало всегда, когда он вспоминал супругу. Порой я даже завидовала тому, насколько сильно он ее любил. Хотела бы и я когда-нибудь встретить мужчину, который полюбит меня столь же трепетно.

– Фойры к нам надолго? – спросила я.

– Не думаю, – улыбнулся король. – Но нам важны связи с морскими побережьями, поэтому постараемся расположить гостей к сотрудничеству.

– Говорят, принцесса фойров весьма красива! – лукаво протянула я. – И послы уже присматривают ей мужа! Давай отдадим морским Люка?

Отец щелкнул меня по носу.

– Ты же знаешь, что твой брат останется в Идегоррии и когда-нибудь станет королем. А вот ты, милая, вполне возможно, покинешь нас, обретя счастье в чужих землях.

Я хмыкнула и скривилась. Сделала испуганные глаза.

– Только не отдавай меня морским! Они же едят сырую рыбу! Ужас! Да у них наверняка изо рта воняет! Фу!

Горничные прыснули, а отец закатил глаза.

– Ева! Ну что за ребячество, – пожурил он. Впрочем, я видела в темных глазах золотой свет смеха. Король сделал вид, что задумался. – Тогда, может, инфант желтых песков?

– Папа! Они моются раз в год! Когда в пустыне начинается сезон дождей!

– Ведающие Путь?

– Ты смерти моей хочешь? Петь все их гимны с утра до вечера? Да я же с ума сойду!

– Земные прародители?

– Не-е-ет!!! Они сидят в своих норах под землей и боятся солнечного света! Папа!

– Их подземный город спорит сиянием с самим солнцем, Ева, и ты прекрасно это знаешь, – с улыбкой напомнил отец. И снова вздохнул. – Тебе не угодить. Но ты ведь понимаешь, что однажды тебе придется сделать выбор, дочь. Род созидающих должен продолжиться.

– Вот пусть Люк этим и займется, – обрадовалась я. – К тому же он и так без устали практикуется в этом нелегком деле! – ляпнув это, я прикусила язык, а горничные захихикали.

Отец же, кажется, чуть смутился.

– Ева, ты что, следишь за братом? – по возможности строго спросил он.

Я округлила глаза в притворном недоумении, и король покачал головой.

– Люк тоже женится в свое время, но и тебе нужен достойный муж, Ева. Я не вечен…

– Ты будешь всегда! – я порывисто обняла отца.

Иногда у нас заходили такие разговоры, но я знала, что отец не будет меня неволить. А все, чего я хотела – жить своей жизнью. В наших землях, рядом со своей семьей, я была совершенно счастлива. Конечно, я мечтала о прекрасном принце, особенно после волшебных историй, вычитанных в книгах, или очередного сонета Люка – их он посвящал всем своим пассиям. Но эти перспективы казались мне очень и очень отдаленными.

В дверь осторожно постучал советник.

– Ваше Величество, Ваше Высочество, – поклонился он отцу и мне. – Стражи портала передают, что послы морских фойров пересекли границу.

– Благодарю, Анэр, – улыбнулся король и снова взглянул на меня, согнув руку в локте. – Позвольте проводить вас в тронный зал, прекрасная принцесса?

– Сочту за честь, мой повелитель, – присела я в глубоком безупречном реверансе.

Люк уже ждал нас в зале, и я тайком показала ему язык. Братец ответил тем же. Правда, так, чтобы папа не видел. Но как только глашатай известил о прибытии гостей, моего брата как подменили. Исчезла несерьезная веселость, а лицо приняло величественный и непроницаемый вид. Гордо выпрямленная спина, безупречные одежды синего и золотого цвета, взгляд прямой – право, я гордилась своим братом. И любовалась им.

А еще старалась быть достойной таких родственников и потому тоже сидела так, что наставница кивнула одобрительно.

Послов была дюжина, и за маской непроницаемости я не смогла сдержать любопытства. Все же фойры – редкие гости в нашей стране. Они не слишком

отличались от людей, разве что удивительными зелеными волосами, треугольными, почти безгубыми лицами и глубокими синими глазами всех возможных оттенков морских глубин.

Я никогда не бывала в их городе, построенном на тысяче островков, с белыми мостами, соединяющими клочки суши, но, разумеется, слышала о нем и видела на картинах. Когда послы приблизились, я заметила и еще одно отличие: щелевидные отверстия за ушами – жабры. Фойры были амфибиями. Их взгляды одобрительно скользили по украшениям в духе их родины и надолго задерживались на моей картине. То, что было привычно для нас, на остальные расы производило неизгладимое впечатление.

Послы приблизились и склонились перед нами в поклоне. Вперед выступил главный – старик, волосы которого напоминали бурую тину, а голые участки кожи за ушами перечеркивались сморщенными засохшими полосками. Верховный советник уже не мог дышать под водой – с возрастом жабры фойров высыхали.

После всех необходимых приветствий и церемоний, обмена любезностями и цветистыми заверениями в дружбе, что затянулись почти на час, мы, наконец, вздохнули свободнее. И первым делом верховный советник, представившийся совершенно непроизносимым именем, указал на картину.

– Я слышал об искусстве созидающих, но первый раз увидел столь наглядный пример, – даже в его обезличенном голосе проскользнул рокот морского шторма. – Кто нарисовал это?

– Моя дочь, принцесса Идегоррии Антарея Евантреида, – спокойно ответил отец.

Но я услышала удовольствие в его голосе. Гости уже сгрудились напротив холста и даже покачивались в такт бьющимся на полотне волнам. Впрочем, это нельзя было назвать полотном в общеизвестном смысле. Море на картине выплескивалось через край, разливалось в пространстве, шумело прибоем и шуршало о гальку пляжа. Там кричали белые чайки, порой вырываясь в тронный зал и задевая завороженных фойров крылом. Там пахло солью и йодом так, что послы жадно принюхивались и блаженно жмурили свои необычные глаза.

И кажется, с трудом удерживались от того, чтобы не шагнуть в мою картину.

Мы с Люком быстро переглянулись и улыбнулись. А я подумала, что это они еще не слышали то, что сочиняет мой брат…

– Потрясающе, – прошептал верховный посол. – Ваше искусство поистине бесценно. И великолепно, – он снова склонился. – Примите мое глубочайшее восхищение, Ваше Высочество.

– Я рада, что моя картина доставила вам удовольствие, фьер Анххарамоитет, – размеренно и плавно произнесла я. Люк выдохнул рядом со мной. А я чуть улыбнулась и продолжила: – И, конечно, буду рада, если вы соблаговолите принять это полотно в качестве подарка.

Верховный советник склонил голову, и я увидела, как разлилась в блеклых глазах цвета мурены благодарность. Потому что вещица с каплей эликсира созидающих – почти бесценный дар.

– Почту за величайшую честь, принцесса, – ответил посол.

Вечером был торжественный прием в честь гостей, на который съехались придворные и представители знатных родов нашего королевства. И только глубокой ночью я наконец-то смогла удалиться в свои комнаты, смыть ненавистную краску и снять неудобное платье, в котором уже успела свариться. Прошлась, с удовольствием подставляя обнаженное тело прохладному ветерку, что долетал в открытые окна. И подумала, что с радостью сейчас окунулась бы в прозрачные воды Озера Жизни…

И сразу вернулись воспоминания.

Я обхватила себя руками, внезапно почувствовав озноб. Он накатывал всегда, стоило мне подумать об арманце, о желтых глазах, что смотрели на меня сквозь толщу воды. Тряхнула головой, избавляясь от пугающих мыслей. Даже отцу я не рассказала, как именно произошла моя встреча с чужаком. Вряд ли я могла поведать королю о том, как мужчина прижимал меня к своему обнаженному телу, как проводил языком по моей щеке, пробуя на вкус… Как его ладонь скользнула по моим бедрам, лаская.

Я снова потрясла головой. Сегодня был слишком тяжелый день, мне просто нужно отдохнуть. Так что, быстро искупавшись, я отправилась в постель.

?

На следующий день Люк повез фойров показывать наши достопримечательности, коих в землях Идегоррии было немало. Я представила, как будут ахать морские, увидав наши радужные фонтаны или ходящие деревья, ветвями задевающие облака. Когда такой исполин неожиданно поднимается, с его корней осыпается земля, а когда он делает шаг в сторону, даже самые стойкие не удерживаются от изумленно испуганного вскрика. И это лишь часть чудес моего мира, который столь прекрасен, что за девятнадцать лет своей жизни я не устала им восхищаться.

Верховный посол остался во дворце и до обеда разговаривал с отцом, уже приватно. А после попросил позволения поговорить со мной. Признаться, меня это несколько удивило, но, конечно, я не могла отказать гостю.

Снова нарядившись в длинное платье, головной покров и умастив лицо белилами, я неторопливо шла по дорожке нашего сада, ведя неспешную беседу с послом. Морской слушал меня, кивал, рассматривал розы и орхидеи, но мне чудилось, что мыслями он далеко. Мы дошли до резной беседки, и я пригласила гостя войти.

Внутри беседки мягко светились бутоны плетущегося вьюнка, и на первый взгляд казалось, что цветы живые. И лишь приглядевшись, можно было понять, что ажурная решетка, стебли, лепестки и соцветия вырезаны из дерева и являются единым целым.

– О, работа Его Величества? – понимающе воскликнул посол.

Я любовно провела пальцем по живым тонким листьям и лепесткам, кивнула.

– У отца мало времени на созидание, – с искренним огорчением сказала я. – Почти все дни он посвящает государственным делам. Поэтому вещей, созданных королем, так мало… Увы.

– Увы… – эхом отозвался посол и снова замолчал, как-то бездумно рассматривая беседку. В его глазах плескалось вечное море, в самой глубине которого зарождался шторм.

Словно вдруг на что-то решившись, старик повернулся ко мне.

– Ваше Высочество, Антарея… Вы знаете, я всегда считал род созидающих уникальным.

Он замолчал, словно вновь задумался и, кажется, эти мысли не нравились послу. Шторм нарастал.

– Так и есть, фьер Анххарамоитет, – с легкой улыбкой сказала я, пытаясь разрядить неожиданно тревожную атмосферу. – Как и род морских фойров! Мы все уникальны, каждый по-своему.

– Да… но созидающие… Вы способны на то, что не может никто на земле. – Посол снова уставился на бутон вьюнка. – Например, ваша картина, принцесса. В ней есть душа. Жизнь. Счастье. Она заставляет наши сердца биться в такт волнам. Она дарит забвение… Вы знаете, что такое забвение, принцесса? Конечно, нет. Вы еще слишком молоды. Ваше сердце не обижено разочарованиями и бедами… Как бы мне хотелось, чтобы оно осталось таким навсегда…

Посол снова замолчал.

– Я тоже, фьер Анххарамоитет! – отозвалась я, снова улыбнувшись. Непонятные речи старика меня тревожили, а взгляд немного пугал.

Посол резко отвернулся от бутона, который рассматривал, и взглянул мне в лицо.

– Ваше Высочество, скажите, вы не хотели бы посетить нашу страну? Марена очень красива, ваша душа порадуется морским пейзажам, а сердце успокоится при виде бесконечности воды. И вы сможете создать еще сотни… тысячи таких же прекрасных картин. Мир фойров будет рад вам, Антарея. Вы любите море, иначе не смогли бы создать такую жизнь на куске холста. У нас вам будет

хорошо.

Я несколько смущенно смотрела на старика, не зная, что ответить на его настойчивое приглашение. Надеюсь, он не собирается меня сватать за своего отпрыска?

– Фьер Анххарамоитет, – начала я, в очередной раз порадовавшись, что удалось не сломать язык на его имени. – Я ценю ваше любезное приглашение. И постараюсь посетить прекрасную Марену в самое ближайшее время…

– Нет! – ответил посол столь резко и не по этикету, что я растерялась. Но сразу же исправился и уточнил уже спокойно: – Я имел в виду, что приглашаю вас поехать с нами уже послезавтра, когда делегация отправится домой. И вы могли бы увидеть нашу страну уже через два дня.

Он улыбнулся, но отчего-то эта улыбка не показалась мне радостной. И желания воспользоваться его приглашением не вызывала.

– Вряд ли я смогу сделать это столь скоро, – как можно вежливее ответила я. Хотелось отделаться от сумасшедшего посла и вернуться в комнаты, где можно снять, наконец, платье и хитар, а также сбросить узкие туфли на каблуках.

Но фойр неожиданно схватил меня за руку, так что я с трудом удержалась от вскрика. И покосилась на садовую дорожку, надеясь увидеть отца или кого-нибудь из придворных. Увы, там было пусто.

– Вы должны поехать со мной, Антарея! – совершенно забыв о правилах приличия, воскликнул посол. – Должны! У вас морская душа, я вижу это в ваших картинах! И в ваших глазах!

Так вот в чем дело! Я перевела дух, осторожно высвобождая ладонь из цепкой хватки посла. Неужели он решил, что во мне есть примесь морской крови? Конечно, мои глаза слишком необычны для созидающих, и в них плещутся оттенки волн, но это ведь не причина хватать меня? И, надеюсь, эта престарелая амфибия не помышляет о том, чтобы лично взять меня в жены? О лесные духи….

Видимо, что-то все же отразилось на моем лице, потому что фойр вздохнул и отступил на шаг. Его лицо, испещренное морщинами и возрастными пятнами, вытянулось и снова стало бесстрастным.

– Я напугал вас, прошу простить, – глухо пробормотал он. – И все же… Обещайте подумать, Ваше Высочество, над моим предложением. Гарантирую вам полнейшую неприкосновенность в Марене. Как и подобает принцессе…

– Благодарю, фьер Анххарамоитет! – я склонила голову. – Несомненно, я рассмотрю ваше предложение и посоветуюсь с отцом. Возможно, мы в ближайшем будущем сможем посетить вашу страну с ответным визитом…

– Будущее… – лицо посла чуть скривилось. И вновь внутри в его глазах блеснули отголоски шторма. – Как было бы хорошо, если бы оно у нас было…

Я промолчала, не зная, что ответить. Конечно, старикам свойственно тосковать по минувшей молодости, и, пожалуй, у этого посла, древнего, как окаменевший коралл, будущего действительно почти не осталось. Но что я могла на это ответить? Сочувствие лишь обидит старика, а слова утешения не помогут. И потому я не стала ничего говорить.

Мы еще прошлись по садовой дорожке, и я показала ему один из радужных фонтанов, но всем нутром ощущала, что посол меня не слышит. Мысленно он был где-то далеко, возможно, покачивался на волнах своего моря, в глубины которого уже не мог уйти. Или рассматривал синие молнии шторма, что бушевал в его воспоминаниях. Как бы там ни было, когда мы разошлись, я вздохнула с облегчением.

Вечером вернулись уставшие, но довольные послы, и за ужином все уже вполне дружески обсуждали увиденное на прогулке. Верховный молчал, сидел в стороне и лишь иногда смотрел на меня. Его коричневые жабры слабо шевелились, словно рот издыхающей на суше рыбы.

Вечером был потрясающий фейерверк. В ночном небе распускались цветы, вспыхивали тысячи звезд, заслоняя красотой настоящие, неслись крылатые кони и пролетали искрящиеся птицы.

Люк схватил меня за руку.

– Идем, первый танец, – поклонился он мне церемонно и добавил чуть слышно: – Энке!

Я фыркнула, но удержалась от желания как следует треснуть оболтуса по глупой башке. На глазах у послов и всего двора делать этого, конечно же, не стоило. Напротив, я склонила голову, присела в изящном реверансе и пошла в круг, прикасаясь к ладони Люка лишь кончиками пальцев. Музыка была обычной, сочиненной придворным менестрелем, а вот слова… Братец лукаво улыбнулся, когда певчий запел. Песня, сочиненная Люком, наполняла душу тихим светом. Разливалась в пространстве квинтэссенцией любви и покоя, волновала воображение и пробуждала фантазии. Она обволакивала присутствующих мягким покрывалом нежности и будоражила кровь, словно хмель. От этих слов хотелось верить, что все в жизни сбудется. Даже самая смелая мечта обязательно станет реальностью.

Люк улыбался, кружась со мной на паркете тронного зала, придворные награждали нас восторженными аплодисментами, а морские послы смеялись от разлитого в воздухе счастья.

Музыка закончилась, и я, повернув голову, скользнула взглядом по толпе. Поймала одобрительный взгляд отца. И удивилась, увидев спину верховного посла. Он весьма невежливо покинул тронный зал, не дождавшись окончания танца.

Король проследил направление моего взгляда и чуть нахмурился. Но лишь на миг. Почти сразу его лицо разгладилось, а в глазах снова разлилась привычная теплота.

Утром делегация морских фойров уедет к границам портала и вернется в свою страну. Так что эта ночь обещала быть жаркой.

?

Мне не хотелось просыпаться на заре, чтобы проводить фойров, но отец настоял. Само собой, ослушаться я не посмела. И теперь стояла на площадке перед ступенями, уже предвкушая момент, когда гости, наконец, покинут дворец. Король был доволен, и я поняла, что удалось достичь столь желанных

договоренностей.

Люк отчаянно пытался скрыть зевоту, и я незаметно фыркнула. Уходя вечером в свои покои, я видела братца в одном из коридоров с молоденькой Мадлен, одной из юных виа нашего королевского двора. И судя по довольному блеску карих глаз, их общение было удачным.

Я покачала головой, размышляя стоит ли пожаловаться отцу. Конечно, я понимаю, Люк – молодой привлекательный мужчина, но помимо этого он еще и наследник престола. А ведет себя, как глупый ребенок, дорвавшийся до сладкого, пробуя все подряд и запихивая в рот куски, до которых только может дотянуться. Такими темпами скоро образуется целый легион девиц, которых братец успел испортить! Хорошо хоть наша кровь не дает зачать ребенка без должного ритуала, а то король уже несколько лет назад стал бы дедушкой.

С другой стороны, из-за таких сложностей с деторождением от рода истинных созидающих остались лишь мы трое…

Я тихонько вздохнула. Капли эликсира пробивались и в других представителях рода, но такой полноводной рекой был разлит лишь в наследниках. А это значит, что, как бы я ни упрямилась, однажды мне придется выйти замуж. Эликсир нужно передать, и желательно, чтобы мое потомство было многочисленным.

Я чуть скривилась, осознавая перспективы.

Между тем церемония прощания уже подходила к концу. Благо, она была не столь официальна и затянута, как приветствие. Так что уже через каких-то полчаса гости покинут наши владения. Предвкушая момент, когда смогу вздохнуть свободно, я улыбалась морским совершенно искренне. И удивилась, когда верховный посол попросил позволения сделать мне подарок. На его ладони лежала ракушка, почти обычная, если не считать тонкого рисунка, изображающего морскую волну.

– Мой подарок, конечно, не идет ни в какое сравнение с бесценным даром Вашего Высочества, – сказал старик, чуть прикрыв от яркого света глаза, полностью лишенные ресниц. – Но смею надеяться, что и он будет вам полезен…

– Благодарю вас, фьер Анххарамоитет, – я уже произносила его имя, даже не переживая. И улыбнулась, пытаясь смягчить уже надоевший официоз: – Мне очень приятно, правда.

Придворный маг с поклоном взял ракушку, подержал в ладонях, прислушиваясь. И лишь убедившись, что подарок не причинит вреда, передал в мои руки. Я поднесла его ближе к глазам. Простая и изящная вещица была по-своему прелестна. Сверху в дырочку продет простой шнурок – значит, ракушка носится, как медальон.

Я надела ее на шею, все еще улыбаясь.

– Благодарю, – повторила с улыбкой.

– Ваше Высочество, я хотел бы попросить вас, – как-то торопливо сказал посол, когда маг отошел. Отец и Люк разговаривали с остальными, прощаясь и заверяя в вечной дружбе между нашими родами.

– Я слушаю вас.

– Антарея… Позвольте старику так вас называть… Я прошу, чтобы вы пообещали мне кое-что.

– Что именно? – несколько удивилась я, ожидая снова услышать приглашение в Марену.

– Обещайте, что не снимете это украшение со своей шеи до полной луны.

Я чуть удивленно молчала. И посол подался ко мне, заглядывая в глаза. В глубине блеклых радужек сегодня был штиль, словно море в глубине посла уже смирилось со всем, что уготовила судьба. И более не волнуется.

– Обещайте мне, – тихо сказал фойр.

Я недоуменно кивнула. Собственно, мне это было несложно, а старику, похоже, приятно. Маг подтвердил, что никакой опасности для меня в этом украшении нет, так почему бы не порадовать морского посла? К тому же ракушка

действительно красива.

– Хорошо, обещаю, – улыбнулась я.

Старик вздохнул и снова прикрыл веки, спрятав от меня мертвое море своих глаз.

– Спасибо, – сказал он так, словно это я сделала ему подарок.

И, еще раз кивнув, ушел.

Через полчаса делегация расселась по экипажам и отбыла к границе. А я отправилась в комнату, уже по дороге скинув туфли и стянув изрядно надоевший головной убор.

?

После отъезда морских жизнь снова вернулась в привычную колею. С утра я убегала в лес или на озеро и рисовала до полудня, пока не наступала пора идти на занятия. Наставница все еще находила, чему обучить нас с братом, и мне казалось – даже если я проживу тысячу лет, все равно не успею усвоить все те знания, что желала впихнуть в наши головы Тара.

Сегодня Люк был таким рассеянным, что наставница метко обожгла хлыстом его пальцы. Отец выступал против физических наказаний, но порой, очень редко, Тара все же позволяла себе применять их. Впрочем, наказывать подобным образом могли лишь брата, меня за всю жизнь никто и пальцем не тронул.

Люк взвился, очнувшись и выплыв из своего тумана, в котором витал, густо покраснел. Не столько от боли, сколько от негодования. Ну еще бы: его, наследного принца, взрослого парня – ударили, словно мальчишку.

Я, не сдержавшись, захихикала и получила от Тары грозный взгляд. Наставница снова посмотрела на красного до багрянца принца.

– Если ваши мысли столь занимательны, может, вы расскажете о них и нам? – сурово осведомилась Тара.

Я прыснула в кулак. Конечно, поведает, как же! Да там же из приличного будет лишь имя новой пассии. И то неизвестно. Сдается мне, что братец, дабы не путаться, всех зовет «моя прекрасная виа», или как-то так!

– Люкреций! Я вас слушаю! – похоже, наставница сегодня была не в духе.

Брат помялся и стал еще румянее. Я откровенно веселилась и наслаждалась его мучениями.

– Ну так что, Люкреций? Вы поведаете нам, о чем размышляли так упоенно, что не услышали ни одного моего слова?

– Я сочинял сонет, – сдавшись, буркнул Люк.

Я хмыкнула. Ну да, как же. Сочинял он.

– И вы даже можете нам его продекламировать? – приподняла Тара тонкие брови, как и я, усомнившись в правдивости ответа.

– Он еще не готов, – не глядя на нас, соврал Люк. – Я не успел, вы меня отвлекли!

– Тогда, возможно, вы соизволите поведать нам самое начало? – не унималась наставница.

Брат кинул на меня отчаянный взгляд, но что я могла сделать?

– Слушаем вас!

Глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, брат выдал:

Рассыпав золото по кронам,

Вино разбрызгав по листве,

Приходит осень. Очарован

Весь город ею в сентябре.

Я собираю урожаи

На полях ее любви.

Она щедра, как будто знает,

Что дни ее здесь сочтены…

Люк замолчал, его багрянец спал, и теперь лицо брата сравнялось цветом с оперением голубиной шейки, став таким же сизо-серым. Удивительно, но совершенно спокойно декламируя свои опусы многочисленным придворным дамам, Люк всегда жутко робел, когда их слушали Тара или я. Возможно, наша оценка его творений была по-настоящему важна брату. Но как можно оценить волшебство?

Мы с наставницей молча смотрели, как кружат в воздухе золотые листья клена, как дрожит на них осенний свет. Вдыхали запах уже прелой травы, такой острый, такой бодрящий. Наблюдали, как медленно тает клочок неба, предгрозового, набухшего осенним дождем, а может, уже и первым снегом. И ежились, несмотря на летнюю жару.

– Спасибо, Люкреций, – слабым голосом сказала Тара и вздохнула.

Наставница тоже была из созидающих, но вот эликсира ей почти не досталось. И слабый дар она с лихвой компенсировала настойчивостью и упорством. И все же мало кто мог устоять перед чудом истинного созидания.

– Занятие окончено, – сказала наставница и отвернулась.

И, довольные, мы с Люком бросились вон, пока растроганная Тара не передумала.

Выскочив за дверь, мы с братом переглянулись и кинулись наперегонки к лестнице.

– Кто последний, тот помет дикой хараши! – объявил Люк.

Я фыркнула.

– Братец, тебе что, пять лет? – поинтересовалась я и степенно направилась к ступенькам, гордо задрав подбородок. Люк чуть смутился и пошел рядом.

– И что, пошутить нельзя? – буркнул он.

Я проплыла мимо, вздохнула глубже, а потом как понеслась к лестнице, подобрав юбки! Так что брат, не успев отреагировать, остался позади в мгновение ока! А я, взлетев на галерею, захохотала, как сумасшедшая.

– Люк! Ты сам себя назвал пометом хараши! Я все расскажу Мадлен!

– Ах ты, подлая!.. – задохнулся от такой наглости братец и кинулся за мной.

К сожалению, в коридорах я не могла развить приличную скорость, да и юбки мешали. Так что возле моих комнат Люк меня все-таки поймал, повалил, пытаясь скрутить. Я заорала на весь дворец, обзывая брата совсем не так, как пристало говорить о наследнике престола. Но на наши вопли уже даже слуги не реагировали – привыкли. Да и как не привыкнуть, если мы ругались и орали друг на друга по пять раз в день? И каждый день искренне пытались друг друга прибить.

Только один голос мог положить конец нашей грызне. И он прозвучал.

– Мои дети ведут себя, как два диких волчонка, – вздохнул отец, стоя в дверях покоев Люка. – И вот как мне передавать им управление королевством?

Брат слез с меня, а я села, сконфуженно поправляя юбки и разметавшиеся волосы. Люк снова покраснел. Как девица.

– Прости, отец, – покаялся он. – Я не сдержался.

К чести Люка, он никогда не пытался выставить меня виноватой в наших конфликтах.

– Что вы не поделили на этот раз? – осведомился король.

– Мы разошлись во мнениях относительно принадлежности представителей нашего рода к продуктам жизнедеятельности парнокопытных, – отчеканил брат.

Мы с отцом переглянулись, и я явственно увидела золотой цвет смеха в его глазах. Все же отец слишком любил нас, чтобы долго сердиться. Но для вида он нахмурился и покачал головой.

– И это наследники королевства! Носитесь по коридорам, пугая слуг, и обзываете друг друга так, что уши вянут! Люк, ты наследный принц! Я хочу, чтобы ты не забывал об этом! Ева… – он окинул меня взглядом и снова вздохнул. – Я хотел поговорить с тобой.

Я присела перед королем в реверансе.

– Конечно, мой повелитель, – и не удержалась. – Что-то случилось?

– Принц Первородных просит позволения приехать, чтобы попросить твоей руки.

– Опять? – в один голос воскликнули мы с братом.

Потом Люк начал смеяться, а я возмутилась:

– Папа, сколько можно? Я не выйду за него замуж! Когда… принц уже уяснит это! Я не выйду за него замуж! Ни за что!

Люк уже ржал на весь коридор, так что я с трудом удержалась от желания треснуть его по башке. Впрочем, и у отца в глазах промелькнули смешинки. Конечно, историю любви наследника Первородных к принцессе Идегоррии знал уже весь мир! И хохотал над ней! Где это видано, чтобы принц делал предложение шесть раз! Получал отказ, но через пару месяцев снова возвращался!

– Ты его что, приворожила? – сквозь гогот выдавил из себя Люк. – Поделись секретом, сестричка, чем ты накормила Арвиэля, что он приезжает снова и снова, словно твой верный пес, и даже то, что уже стал посмешищем всех родов,

его не останавливает!

Я зашипела сквозь зубы, будто рассерженная кошка. Даже отец улыбнулся, не удержавшись, мне же было совсем не смешно. Последний раз я уже объяснялась с Арвиэлем не как принцесса, а как дворовая девка, то есть с воплями, но этот истукан даже в лице не изменился, выслушав мою гневную тираду и почти не завуалированные оскорбления. И единственное, что любезно и совершенно спокойно сказал наследник Первородных, когда я, наконец, выдохлась и замолчала: «Надеюсь, за три месяца вы достаточно остынете, чтобы еще раз выслушать меня, Антарея».

И вот прошло три месяца – и пожалуйста! Арвиэль снова приезжает во дворец!

– Я его убью… – выдохнула сквозь зубы. – Папа! Не пускай его, прошу!

– Милая, я не могу не принять принца Первородных, ты прекрасно это знаешь, – тщательно скрывая улыбку, ответил король. – Возможно, ты все же рассмотришь его кандидатуру? Не понимаю, чем он тебе так не угодил… Арвиэль весьма достойный…

– Папа! – завопила я. – Еще одно слово об этом… зануде, и я сбегу к ведьме Миней! И буду жить в ее лачуге! Или обрежу волосы и запрусь в монастыре святителей! Я никогда, слышите, никогда не пойду к Древу Жизни с принцем! Да лучше умереть! Люк, прекрати ржать!

– Отец, давай отдадим Еву Первородному? – не унимался брат. – Они будут такой чудесной парой! Я даже сочиню оду в честь этой свадьбы! Да что там, все рода будут пить белый мед целый месяц, если наша недотрога все-таки скажет «да»!

– Дурак! Ненавижу тебя! – прошипела я и, не сдержав злые слезы, резко развернулась и бросилась вниз по лестнице.

– Ева, девочка, ну куда же ты? – крикнул король.

И тут же сверху раздался голос брата:

– Побежала прихорашиваться перед приездом Арвиэля!

– Люк, перестань…

Но дальнейшего я уже не слышала.

То, что так веселило окружающих, мне совсем не казалось смешным – этот смех обижал. К тому же меня просто бесило, что все так симпатизируют Арвиэлю, а меня выставляют какой-то дикаркой! И когда уже этот зануда поймет и оставит меня в покое!

Я пронеслась через террасу и кинулась к беседке, занавешенной зарослями сплетенных лиан. Эту часть сада я любила больше всего, потому что садовник оставлял ее почти нетронутой, лишь слегка направляя буйство природы. И беседку, скрытую дикими вьющимися растениями, даже нельзя найти, если не знать, где она.

Хотя, конечно, и отец, и Люк прекрасно осведомлены, где именно я порой прячусь. Так что я села на скамеечку, гордо выпрямила спину и надула губы, ожидая, когда меня найдут и придут мириться. Хотелось, чтобы нашел отец: обычно именно он так поступал. Находил, щекотал… или просто смотрел своими золотыми глазами, и я уже не могла сердиться. И со вздохом облегчения вылезала из убежища.

Но почему-то никто не шел. Заскучав, я присела на корточки, вытащила из-под скамеечки припрятанный мешочек с мелками и принялась выводить на досках узоры. Как всегда, увлеклась так, что и не заметила, как пролетело время, только осознала, что проголодалась.

Я вылезла из зарослей и неторопливо пошла по дорожке, представляя, как буду сидеть за обедом с гордым и неприступным видом и, конечно, даже не улыбнусь на подначки Люка и смех отца. Вот еще!

Сад у нас не просто большой – огромный, а эта часть располагалась на значительном расстоянии от дворца. И все же… почему так тихо? Я приостановилась, задумавшись. Еще не понимая, что именно мне не нравится, я настороженно прислушалась, пытаясь уловить хоть какие-то звуки. Но дворец замолк, притаился, словно зверь перед прыжком. Странная ассоциация, которая пришла мне в голову, заставила поморщиться. Полно, Ева, какой зверь? Полдень, самая жара – вот придворные и разбрелись по прохладным покоям или сидят в

гроте, омываемом хрустальным водопадом.

И все же мне стало не по себе. Вспомнилось, как умолкли птицы возле Озера Жизни. В тот день, когда я увидела арманца. Сердце совершило в груди кульбит и затрепыхалось попавшей в силки пичугой. Я неуверенно оглянулась. Что за глупости лезут мне в голову?

И что за странный запах?

Я потянула носом воздух и скривилась. Чем так тошнотворно воняет?

Пошла вперед и вздохнула с облегчением, увидев за кустами бирюзовое платье.

– Мадлен! – позвала я.

Любовь девушки к этому цвету уже стала байкой среди виа. Впрочем, голубоглазой брюнетке он действительно шел.

Я обошла кусты, продолжая говорить:

– Мадлен, представляешь, мне показалось, что наш дворец похож на…

И осеклась. Вскинула руку, прижала к губам. Все же я не зря так хорошо разбиралась в оттенках. И с первого взгляда поняла, что у живого человека просто не может быть такого цвета лица. Я называла его вощаный. Цвет воска. Желто-серый.

Как ни странно, но это первое, что я отметила в неподвижной фигуре девушки. И лишь потом увидела черно-красное пятно, расползающееся по ее платью. И догадалась, чем столь неприятно пахло.

Тошнотворный запах страха и смерти, запах крови.

Я попятилась. Очень осторожно и медленно, словно боясь оступиться или споткнуться. А потом развернулась и бросилась к стенам дворца, чувствуя, как душат еле сдерживаемые слезы, как все плывет перед глазами, а внутри разрастается дикая, неконтролируемая паника. Неестественная тишина,

повисшая над садом, уже не казалась фантазией.

Случилась беда. Что-то страшное и непоправимое, ломающее и калечащее, убивающее. И единственная мысль, которая билась в моей голове – найти Люка. Найти отца.

Я добежала до стены и замерла, пытаясь отдышаться. Все мои инстинкты вопили, требовали спрятаться, убежать, скрыться! Залезть в самую глубокую нору и не высовывать носа до тех пор, пока беда не пройдет стороной, а моя жизнь не станет прежней…

Только где-то внутри я уже понимала, что прежней она не станет никогда.

Я выглянула из-за угла, осмотрела витые решетки и распахнутые окна, из которых не долетало ни звука. Притихшие садовые дорожки и белые мраморные ступени входа. Нет, не белые….

На светлом камне засыхали некрасивые кляксы, бурые и черные разводы. Кровь…

Я глубоко, со всхлипом вздохнула и сделала шаг. Но тут же меня прижали к твердому боку, зажали рот рукой. Недавнее воспоминание обожгло, и я взвилась, вцепилась в мужскую ладонь зубами, почти ничего не видя от слез.

– Ева, это я. Не кричи…

Удерживающие меня руки исчезли, и, развернувшись, я взглянула в лицо Люка. Облегчение было таким сильным, что я с трудом удержалась, чтобы не кинуться брату на шею. Но он на меня почти не смотрел. Темные глаза обшаривали пространство вокруг, он схватил меня за руку и потащил в сторону, в густые заросли.

– Люк! Там Мадлен! Она…. У нее кровь на платье… она не двигается… Люк! Мне страшно! Я не понимаю, что происходит… Мадлен, она…

– Тихо, – безжизненно приказал брат, словно и не слыша того, что я говорю о девушке, с которой он провел эту ночь.

Люк затащил меня в нишу, укрытую сплетенными растениями, развернул к себе.

– Ева, ты должна нарисовать переход. Помнишь, нас учили?

Переход? Нарисовать?

Я смотрела на него с недоумением.

– Придется на земле, палкой… Ничего подходящего нет…

– У меня есть мелок, – непонимающе сказала я.

Люк кивнул. В его застывших темных глазах ничего не отражалось – пустая тьма без проблесков цветов, черная воронка пустоты. Он кивнул и стал торопливо освобождать от вьюнка стену.

– Рисуй, Ева. Поторопись… Влей эликсира… Больше…

– Люк, что происходит? – чувствуя, как подкатывает к горлу ужас, прошептала я. – Там Мадлен… И кровь… Зачем рисовать? Я не понимаю… Я не умею! Этому учили тебя…

– Рисуй! – сквозь зубы прошипел он. – Быстро!

Я не узнавала своего брата. Смотрела в знакомое лицо – и видела чужака. Словно в его теле поселился кто-то другой, пугающий и… мертвый. Он сжал мне плечи, встряхнул.

– Ева! Поторопись! Нужен переход!

Я неуверенно провела линию на стене. Маленький мелок было неудобно держать, кончики пальцев цеплялись за шершавую стену.

– Но зачем рисовать? – глухо спросила я. – Этому учили тебя… я не смогу. Сочини, вот и все…

– Я больше не могу сочинять, – как-то равнодушно за моей спиной отозвался Люк. – Рисуй, Ева. Ты сможешь.

Мелок замер и раскрошился от того, что я слишком сильно на него надавила. Смысл сказанного даже не сразу до меня дошел.

Как это – не может сочинять?! Почему?

Для нас созидать – то же самое, что дышать. Это наша природа, наша душа.

И есть только один способ уничтожить эту способность и расколоть душу. Убийство… Намеренное и осознанное убийство разумного существа…

– Ева, не отвлекайся.

Я резко обернулась.

– Люк! Что происходит? Отвечай!

Видимо, в моем лице отразилось что-то такое, что брат все же решил пояснить.

– На нас напали, Ева, – по-прежнему равнодушно бросил он. – Дворец захвачен. Крылатые стражи отрезаны. Нам нужно выбираться… Рисуй переход!

Кажется, сегодня я резко отупела, потому что снова не сразу поняла, о чём речь. А когда поняла…

– Люк, – сиплым, срывающимся голосом выдавила я. – Что с отцом?

– Рисуй, Ева, – шепотом повторил брат.

И в глубине его глаз, на самом дне этого темного колодца со стылой, мертвой водой, я увидела ответ. И этот ответ всколыхнул внутри меня что-то мощное и настолько болезненное, что я оттолкнула брата и понеслась по садовой дорожке к дворцу. Брат бежал следом, даже что-то кричал, но я его не слышала. Перед глазами стояло лицо отца, мягкий прищур его глаз, золотые искры смеха… По

ступеням я просто взлетела, толкнула дверь…

И попала в царство смерти. Крики, вопли, стоны, запахи крови, пота и железа, ужас и боль обрушились на меня в один миг. Так вот почему за стенами так тихо… кто-то отрезал дворец стеной безмолвия… А здесь, внутри, царил настоящий смертельный хаос, замешанный на потоках крови и убийствах. Я увидела крылатых стражей, буквально изрубленных на куски. Придворных – в странных, нелепых и изломанных позах лежащих на полу или у стен. Пятна, лужи, реки черного и пюсового цветов… Чью-то голову, рассматривающую меня пустыми глазницами. Тару…

И ещё я увидела их. Тех, кто принес все это.

Белых демонов, арманцев.

Их было много – высокие, сильные воины с белыми волосами. Все в черном, с кожаными вставками на одеждах и со сверкающими серебром клинками. Наверное, на черном не так видна чужая кровь…

Кто-то кричал-выл – громко, надсадно, на одной ноте, и я повернула голову. Придворный маг… Один из арманцев шагнул к нему, взмахнул рукой с клинком – и крик оборвался.

И тут я увидела отца. Даже отсюда, через весь тронный зал, ставший полем битвы, я видела его. На ступеньках возле возвышения он лежал с открытыми глазами, в которых застыла боль. Мертвый король словно все еще смотрел на своих подданных, наблюдал сражение, которое было проиграно с самого начала. Арманцы каким-то немыслимым образом не только попали во дворец, но и отрезали его от мира, так что наши войска не могли поспешить на помощь королевской семье.

Наверное, я все-таки закричала, потому что тот, кто стоял над телом моего отца, обернулся.

И я узнала его.

Это лицо из моих кошмаров я узнала бы из тысяч. Белые волосы, желтые глаза, твердый подбородок. Удивительно, но демоны красивы. Моя сущность художника оценила гармонию этих черт. Четко очерченные губы арманца слегка изогнулись, словно он увидел старую знакомую, гуляя в парке, и решил ей улыбнуться. Он сделал знак одному из демонов, указывая на меня, и тот беспрекословно подчинился.

Сзади меня дернул Люк.

– Бежим, – безнадежным шепотом простонал он. – Ева… что ты наделала…

Бежать? Куда?..

– Оставь энке, – словно сквозь вату услышала я голос арманца. – Занятная зверушка. Вы нашли наследников?

– Еще нет, повелитель… Найдем. Отсюда никому не выбраться…

О лесные духи… Кажется, первый раз в жизни наша с братом привычка игнорировать правила и нормы этикета пригодилась. Захватчики просто не признали в нас наследников престола! Конечно, кто догадается, что вот этот парень в простой светлой рубашке и брюках, без единого украшения или знака отличия – принц? Или вот эта растрепанная девушка с необычной внешностью, с испачканными коленками и измазанными ладошками, одетая в скромное бежевое платьице – принцесса?

Я видела, как идет к нам демон, спокойно поигрывая своим клинком, и даже не сомневалась, что произойдет дальше…

И вдруг пространство вокруг меня поплыло, затянулось рябью, и я почувствовала запах моря. Оглянулась изумленно, не понимая, что происходит. Пространство менялось, словно меня затягивало в воронку перехода… Словно? Но так и есть!

Старый посол, что подарил мне ракушку… Он знал, что произойдет захват дворца! Знал! И потому столь настойчиво пытался убедить меня поехать в морскую страну! Я уже видела кружащих вокруг чаек, теплая вода коснулась

моих ног. Тронный зал таял, бледнел… Я обернулась и увидела, как улыбнулся брат. Радостно – понимая, что я спасена.

В один миг я сорвала с шеи ракушку и накинула петельку на Люка.

– Нет!!! – закричал он, попытался снять, вернуть её мне, но было поздно.

Односторонний портал втянул брата и выкинул на берег далекого южного моря. Тронный зал снова обрел четкость, реальность вернулась. Я осталась стоять посреди разрушенного дворца, крови и смерти, глядя, как ко мне идет мой личный кошмар.

Арманец приблизился, окинул меня взглядом.

– Морской переход… занятно, – протянул он. – Откуда у тебя артефакт фойров, энке?

Он тронул мой подбородок, приподнимая его.

– Дикие девы не умеют говорить, повелитель, – любезно пояснил своему господину один из арманцев.

Я смотрела в желтые глаза, не отрываясь. Внутри меня словно что-то умирало. Медленно и мучительно, больно настолько, что не было сил даже плакать. Такая боль выжигает нутро и меняет сущность навсегда. Где-то за спиной этого чудовища все еще смотрел из вечности король, мой отец. И я хотела быть достойной его. И отомстить.

Рассматривая сухими глазами лицо арманца, я поклялась, что настанет день, когда я принесу этому чудовищу столько муки, сколько сможет вместить его черная душа.

Он отпустил меня и отвернулся.

– Заканчивайте, – бросил равнодушно, словно речь шла не об убийствах, а о сборе слив. – Переход скоро закроется. Мне нужны наследники! Ищите.

Демоны понеслись, словно стая гончих псов.

– Не найдете, – хрипло сказал женский голос.

Арманец обернулся. У лестницы сидела Тара, зажимая рану в боку. На меня она не смотрела, только на демона. Он шагнул к ней, присел рядом, холодно рассматривая женщину.

– Почему же?

– Их Высочеств нет во дворце, – выдавила наставница. На ее губах пузырилась кровавая пена. – Вчера они отбыли во владения Первородных.

Демон не изменился в лице, все с таким же равнодушием рассматривая умирающую женщину.

– Ты врешь мне? – почти с улыбкой осведомился он.

– Дай руку, арманец, – прошептала Тара.

Он снова чуть изогнул уголки своих красивых губ, словно забавляясь, и сжал ее ладонь. Я не знала, что показала ему Тара. Наставница была из рода созидающих, и ее капля эликсира позволяла ей создавать иллюзии. Очень редко. Лишь пару раз в жизни… Или всего один. Но демон встал, нахмурившись.

– Уходим, – резко приказал он.

Он пошел к трону, позабыв и про меня, и про Тару, а я смотрела на наставницу. Она чуть заметно кивнула мне и устало закрыла глаза. Один из демонов дернул меня за руку.

– Идем, дикарка.

Как-то безотчетно я взвыла, ударила его локтем, но получила удар по голове. И провалилась в небытие.

Глава 2

Как было бы хорошо остаться в спасительном неведении, но увы… Еще не открыв глаза, я все вспомнила. Сразу и жестко память нарисовала в голове картины произошедшего, не оставляя ни малейшего сомнения в реальности этих воспоминаний.

Я повернула голову и распахнула глаза. Потом села, осмотревшись. И усмехнулась.

Я находилась в клетке.

Вместе с горной кошкой Шерри, что проживала во дворце, и пустынной птицей Ами. Мы все теперь просто забавные трофейные зверушки для увеселения арманцев.

Поднявшись, я подошла к решетке, осматривая поляну. Очевидно, что переход мы уже преодолели и сейчас находимся далеко за пределами Идегоррии. Более того, судя по пейзажу, мы уже за Стеной, отделяющей наш мир от мира арманцев. Столь любимые мною изумрудные холмы исчезли, их сменило гористое плато, поросшее бурой растительностью. Здесь много лиловых и синих цветов, с примесью винного и местами желтого. По-своему это место было красивым, хоть и непривычным взгляду.

Захватчики расположились на привал. В стороне, как обычные лошади, стояли вирххары – сухопутные ядовитые драконы, живущие в горах. Их я тоже видела раньше лишь на картинках. И читала, что арманцам удалось этих страшных животных приручить. Значит, как и у нас, портал переносит демонов к границам, а дальше им приходится добираться обычным способом. Но как же арманцы проникли во дворец? Как?!

Воспоминание взорвалось внутри такой болью, что я села на пол клетки, обхватила колени руками и завыла. Совсем неаристократично и даже нечеловечески. По-звериному. Хлыст щелкнул о прутья клетки.

– Заткнись, – грубо сказал один из арманцев. – Отдыхать мешаешь.

Я вскинула голову, прищурилась. Очевидно, в моих глазах блеснуло столько ненависти, что мужчина отшатнулся от клетки.

– Покорми ее.

Снова этот голос цвета амаранта и железа. Я посмотрела за спину арманца – туда, где стоял его повелитель, подошедший ближе.

– Сделаю, – склонился демон перед своим господином.

– Ты понимаешь слова? – спросил арманец. – Меня зовут Линтар.

Я облизнулась, словно дикая кошка. Линтар. Звук связался с образом, и теперь я знала, как именовать того, кого поклялась уничтожить. Он приблизился, с равнодушным интересом осмотрел меня, потом – рычащую Шерри. И снова – меня.

Я тоже смотрела – не кивая и не двигаясь. Просто смотрела.

– Дикая. Неразумная. А жаль, – пожал плечами второй демон, глянул алчно. Его глаза были совсем белесые, даже желтизны, как у Линтара, в них не осталось. Только красные прожилки белков. Ужасные глаза.

Линтар задумчиво посмотрел на своего солдата и снова на меня.

– Накорми ее, Хеар, – снова приказал он и ушел туда, где был натянут шатер.

Хеар тоже ушел, а вернувшись, бросил через прутья клетки несколько кусков мяса. Сырого. Шерри и Ами оживились, набросились на угощение, а я отошла вглубь клетки и села, обхватив колени руками. Ночь медленно наползала на горы, неся с собой холод, и меня начала колотить дрожь. Шерри наелась и, довольно рыкнув, устроилась рядом. Конечно, большинству людей горные кошки внушают оправданный ужас, все-таки эти животные размером с лошадь, да еще и оснащены смертоносными клыками и когтями. Но Шерри попала во дворец еще котенком и выросла вместе со мной. Порой казалось, что кошка считает меня своей семьей. Вот и сейчас, почуяв, что я мерзну, Шерри легла рядом, согревая теплом своего большого тела. Я положила голову на ее бок и закрыла глаза. От

шерсти остро и мускусно пахло зверем…

Хотелось пить. Только воды никто не предложил, а просить я не стану. Ни за что…

?

Лагерь уже спал, а на меня вновь накатила бессонница. Привычная, знакомая, почти родная. Я был недоволен. Захватом, результатами, самим планом. Да, Энгер Арвалийский мертв, и артефакт власти Идегоррии у меня, но мы упустили наследников! Проклятый фойр или соврал, или ошибся, уверяя, что вся королевская семья будет во дворце.

Я снова измерил шагами свой шатер, раздумывая. Очевидно, что придется вернуться в Ранххар. И нужен новый портал, чтобы завершить начатое. Остаться мы бы не смогли: столь долго удерживать переход открытым не удалось бы даже мне. И так выжал всю силу, почти до капли, блокируя дворец. Но ничего… Возле источника сила восстановится.

И снова мысли вернулись к наследникам Идегоррии. Принц и принцесса. Дети короля. Только вот без артефакта власти они не способны к продолжению рода. Я усмехнулся, подбросив на ладони круглый медальон. Кому нужен король, не способный передать наследную кровь? Или королева, не сумевшая зачать?

Наследие крови в нашем мире значит так много… Почти все.

Я расстегнул ворот камзола и повесил медальон на шею. Идегоррия будет моей, потому что мне нужны эти земли. Очень нужны.

Поправил ворот и откинул полог, вдохнул студеный воздух. Кивнул сторожевым, бдительно охраняющим лагерь, и не спеша дошел до клетки. Дикарка спала, свернувшись внутри лап кошки и положив голову на бок животного. Красные, словно пламя, волосы девушки на черной, словно тьма, шерсти кошки. Красиво.

Я узнал ее, как только увидел. Конечно, разве может быть на земле второе столь же удивительное создание? Столько ярких красок, сосредоточенных в одном теле. И это тело так совершенно. Я вспомнил, как увидел ее первый раз: дикарка

сидела на земле, ела малину и жмурилась от удовольствия. Такая естественная в своей грации и красоте, в своей первозданности. А потом – как прикасался к ней под струями водопада, трогал ладонью влажную бархатную кожу. Тогда я чуть не забыл, зачем вообще потратил силу, чтобы попасть в эти земли. Эта девушка заворожила меня, и я не задумываясь пошел за ней в озеро. Даже сейчас кончики пальцев закололо от воспоминаний, а внизу живота настойчиво заныло.

Я усмехнулся.

Неудивительно, что мои солдаты смотрят на энке с такой алчностью и бесконтрольной похотью. Позволю – разорвут…

Пленница спала, чуть вздрагивая во сне, не чувствуя моего взгляда. Ночная тьма нисколько не мешала мне видеть ее.

Если земли Идегоррии способны рождать таких удивительных созданий, то это еще одна причина, чтобы завоевать королевство. Впрочем, причин у меня и без того хватает.

Я отвернулся и пошел в темноту. Сторожевые проводили меня взглядами, но ничего не спросили, конечно.

?

Клетка покачивалась, словно палуба корабля. Я отползла от Шерри и села возле прутьев, рассматривая пейзаж. Мы второй день двигались вдоль горного плато, все демоны ехали верхом на ящерах.

С утра нам снова бросили сырого мяса, которое с удовольствием сожрали мои товарищи по несчастью. Да и я, признаться, уже поглядывала на кровяной кусок благосклонно. Но пока держалась. От голода кружилась голова. Но еще больше мучила жажда. Губы потрескались, в рот словно насыпали песка. Шерри тоже нервничала, била себя по бокам хвостом с кисточкой на конце, металась по клетке. Один Ами завис под потолком вниз головой и впал в спячку, уцепившись когтями за решетку.

Это создание могло обойтись без воды целый месяц. В отличие от нас с горной кошкой.

Разок я присела в углу по нужде, воспользовавшись тем, что клетка тряслась в самом конце процессии и на меня никто не смотрел. Скривилась от отвращения к самой себе, но что делать, человеческую природу не изменить. И эта природа настойчиво требовала справления нужды, благо – редко, хотя еды – часто, и воды – постоянно.

Я не знала, что делать. Попросить пить? Но тогда арманцы поймут, что я могу говорить. К тому же просить о чем-то демонов… Все во мне протестовало против этого. Но и без воды я долго не протяну. А выжить я должна. Просто обязана. Чтобы отомстить.

Я снова легла на пол, закрыла глаза. Хорошо бы и люди умели впадать в спячку, как пустынные птицы. Но с закрытыми глазами было еще хуже, меня укачивало, к горлу подкатывала горечь. Не знаю, как я продержалась еще один день. Только снова затряслась от холода, когда солнце зависло над горизонтом, погружая скалы в сумрак. Шерри не хотела меня греть, носилась по клетке. Как и меня, кошку мучила жажда, к тому же ей не нравилось близкое соседство вирххаров. Честно говоря, поведение Шерри немного пугало.

Голова болела, на затылке запеклась кровь от удара. Похоже, я стала впадать в странное состояние отупения, на грани с беспамятством. Стало удивительно все равно, что будет со мной дальше, равнодушие обнимало мягко, но настойчиво, пряча коготки безумия.

Вечер. И в клетку упал еще один кусок мяса. Запах крови защекотал ноздри, и к горлу подкатила тошнота. Я подтянула коленки к груди, не открывая глаз и стараясь дышать ртом, чтобы не чувствовать мерзкого запаха.

Возле клетки послышалось какое-то движение, шаги. Шерри зарычала.

– Что с ней? – все же удивительный голос. Каждый раз наполняется новыми оттенками. Вот сейчас в нем скользнул муаровый, словно мягкая весенняя трава. Трава на железе – поразительно.

– Не знаю, повелитель. Дикарка ничего не ест третьи сутки. Даже не прикасается к мясу.

Муаровый голос что-то прошипел. Я не поняла – язык был мне незнаком, хотя я, как наследница, изучала языки всех родов, и сносно понимала каждый. Но сейчас не уловила ни слова. Только по интонации догадалась, что Линтар недоволен.

Конечно, жаль так скоро потерять забавную зверушку.

Меня подняли на руки и куда-то понесли. Шерри огласила скалы протяжным злым рыком. Прохлада сменилась теплом, исчез ветер, а моя спина коснулась пушистого покрывала. И что самое чудесное – на губы капнула влага! Я безотчетно открыла рот, потянулась, распахнула глаза.

– Вот так, – довольно сказал Линтар. И придержал мою голову, приставив к губам горлышко бурдюка.

Чистая, холодная вода полилась в горло, и я не сдержала стон наслаждения. Жадно схватила бурдюк обеими руками, желая пить, пить и пить – не останавливаясь, пока не лопну! Но арманец забрал живительную влагу, отодвинулся.

– Много нельзя, – спокойно сказал он. – Мы забыли, что таким, как ты, постоянно нужна вода.

Я облизала потрескавшиеся губы. Конечно, я слышала, что арманцы могут обходиться без жидкости очень долго. Как и вирххары. Тара говорила, что суть этих созданий – огонь. Но понять это было трудно.

Линтар посмотрел на меня и вышел, приказал напоить дикую кошку, и я вздохнула с облегчением. Когда он вернулся, я уже сидела, прислонившись спиной к полотняной стенке шатра. Арманец протянул мне ветку винограда. Я взяла ее и стала отрывать ягоды, отправляя их в рот. Мне нужны силы, а значит, я буду есть и пить, пусть даже из рук врага.

Губы демона чуть изогнулись в усмешке.

– Ты можешь говорить? – спросил он. Я промолчала, не спуская с него глаз.

Он смотрел на меня так же – не мигая.

– Ты носишь одежду и обувь, – негромко сказал арманец. – В твоих волосах заколки. Во дворце ты отдала артефакт перехода парню. Ты вполне разумна, – усмехнулся он, а я безотчетно сжалась. – И вовсе не такая дикая, какой хочешь казаться. В твоих глазах я вижу ненависть и страх. Как тебя зовут?

Я раздумывала, как поступить. Но арманец прав: вряд ли мне удастся долго скрывать свою разумность. К тому же в беседах я смогу узнать и понять больше. Понадеявшись, что арманцы знают о лесных девах так же мало, как и мы, я ответила:

– Ева.

Его ресницы дрогнули, опустились, в желтых глазах блеснуло удовольствие. Надо же, волосы белые, а ресницы – темные.

– Ева… – повторил он протяжно, и в голосе перелилась лазурь. Словно морская волна на миг закрыла гранит. – Кто ты, Ева?

– Я… никто. Служанка.

– Служанка… – снова протянул он. На лице мужчины не отражались эмоции, и я не могла понять, о чем арманец думает. – Почему не попросила воды?

– Я боялась, – вполне искренне ответила я. – Куда мы едем?

– Ты уже начала задавать вопросы? – усмехнулся он. И сел ближе, так что наши бедра почти соприкоснулись.

Я не смогла сдержать инстинктивного страха и отодвинулась.

– Откуда у служанки артефакт фойров, Ева?

Он спрашивал спокойно, но я не обманывалась на его счет. Слишком живо перед глазами стояли убитые во дворце, то, как он стоял над отцом, как сидел на корточках перед умирающей Тарой.

Равнодушно. Привычно.

Арманец был жестоким зверем, хищником, который не страшится смерти. Ни чужой, ни своей. И мне стоит быть очень осторожной, чтобы обмануть его.

– Я не знаю, что это было. Я думала, это просто украшение, ракушка, – медленно сказала я, не отводя взгляд.

– Но ты отдала украшение парню. Почему?

– На память, – выдохнула я, понадеявшись, что арманец поверит.

Несколько бесконечных минут он смотрел мне в глаза, и я уже ожидала, что сейчас вцепится мне в горло и разорвет. Но он отодвинулся.

– До утра останешься здесь, Ева.

Я опустила глаза, уткнулась взглядом в свои грязные ладони.

– В Ранххаре искупаешься.

Я вздрогнула. И от того, что он догадался о моих мыслях, не глядя на меня, и что услышала название, навевающее ужас на всех людей.

Ранххар. Долина Смерти – так мы называли это место. Владения одного из повелителей арманцев.

Осознание, с кем я веду беседу, наполнило душу таким ужасом, что снова захотелось завыть, уткнувшись носом в разбитые коленки. Как же я не догадалась сразу?! Линтар. Это ведь одно из десяти его имен…

Их было пять – арманцев, имена которых стали в нашем мире синонимами страха, ужаса, боли и смерти. Пять арманцев, повелители Пяти Долин. Из-за них когда-то была построена и скреплена магией всех остальных рас Стена, чтобы удержать демонов на той стороне.

И все же один из них смог эту Стену преодолеть…

Пока я в панике смотрела на спину, обтянутую черной тканью и перетянутую ремнями с оружием, арманец вышел, аккуратно опустив полог шатра. Я все же подтянула коленки, посидела, чуть раскачиваясь. А потом встала, взяла бурдюк, попила. Доела виноград, сгрызла найденное яблоко. Устроилась на шкурах, закрыла глаза.

Повелитель, значит? Ему же хуже.

?

Вернулся, дикарка спала. Хотя, как я и подозревал, она вовсе не дикарка. Ева… Мне нравилось смотреть на нее спящую. Лицо во сне утрачивало это выражение страха и ненависти, становилось таким нежным. Конечно, я видел в ее удивительных глазах жажду мести. Она светилась там фанатичным огнем: желание убить, уничтожить, сделать больно. Если бы девчонка могла – воткнула бы мне нож в спину уже сейчас. Но она не глупа. Догадалась, что и пытаться не стоит. Хотя, несомненно, попытается. Чуть позже, когда посчитает, что моя бдительность достаточно усыплена.

Интересно, на что она пойдет, чтобы эту бдительность усыпить?

Вспомнил, как она накинула веревку с артефактом на того парня. Кем они были друг другу? Супруги? Друзья? Любовники?

Я размышлял об этом лениво, почти без интереса. Это все такие мелочи, лишь мгновения чужой жизни, слегка коснувшиеся меня. Мгновения, не вызывающие во мне ни любопытства, ни трепета. Чужие жизни оставляли меня равнодушным, если не могли быть полезны.

Не мне. Расе. Арманцам.

Снова прикинул в голове варианты, пытаясь понять, откуда у девчонки мог оказаться артефакт. Думала, что это обычная ракушка? Возможно. Я знал о таких артефактах – старинных, без следов магического фона. Они никак не проявляли своей силы и активировались сильным всплеском. Например, моей воронкой, которой я заблокировал дворец. Созданные древними, такие предметы были разбросаны по нашему миру, передавались в родах как безделушки, и мало кто знал об их истинном назначении.

Так что и эта ракушка вполне могла быть найдена бабушкой девушки, а потом передана внучке как простое украшение.

Я подцепил красную прядь, намотал на палец, рассматривая. Даже в темноте прядка кажется живым огнем. Тронь – обожжет. Склонился ниже, к шее девушки, втянул ее запах. Она так необычно пахла. Словно цветок. У арманцев обоняние гораздо острее человеческого, ближе к звериному. Впрочем, люди и считают нас зверьми. И, возможно, они правы.

Я тронул ее кожу губами. Внизу живота снова заныло, настойчиво требуя взять девушку, войти в нее, насладиться этим телом. Как и всех, меня влекла ее необычность и красота. В наших женщинах, даже юных, нет и половины этих красок. А с годами огонь внутри нас выжигает и те, что есть.

Огонь… Наше спасение и проклятие.

Снова прикоснулся губами, наслаждаясь вкусом. И сразу почувствовал, когда девушка проснулась. Но не вздрогнула, не вскрикнула – лежала неподвижно, пытаясь удержать рвущееся дыхание. Конечно, она боялась. Ее страх я тоже чувствовал своим звериным чутьем. Сильный, густой, панический. Она боялась так, что сердце внутри этого хрупкого тела почти останавливалось от ужаса. Но сдерживалась от крика.

Мне понравилось это.

Медленно провел языком по ее щеке, лизнул воле уха. Чуть отодвинулся. Ресницы девушки дрожали, тело напряглось, хоть она и пыталась не показывать вида. А потом ее глаза распахнулись и твердо уставились в мои. Не думаю, что она видела меня. Зрение людей не отличается остротой, темнота их пугает. Но

она смотрела так, словно видела. Я же рассматривал зелень ее радужки с искрами серебра, как завороженный. Никогда не видел таких глаз. Даже у фойров нет столь удивительной глубины оттенков.

Девчонка станет достойным экземпляром в коллекции принцессы. Думаю, Аярна будет довольна. И это тоже неплохо.

Я отодвинулся, устраиваясь на шкуре, закрыл глаза. Привычно в походе лег с оружием и не раздеваясь.

И понадеялся, что хоть сегодня удастся заснуть.

?

Ночью я проснулась, как от толчка. Нет, не от толчка. От прикосновения. С самого детства я сплю очень чутко, даже Люку ни разу не удалось подкрасться ко мне незаметно и сделать какую-нибудь гадость. Я всегда просыпалась раньше.

Вот и сейчас сон слетел мгновенно, стоило чужаку прикоснуться ко мне.

Тяжелое тело опустилось на покрывало, и я почувствовала губы арманца на шее. Он трогал кожу языком, словно зверь, который примеривается, куда укусить. Кроме этого касания он не приближался ни на долю сантина, лишь его язык чертил влажную дорожку на моей коже. И, казалось, обжигал огнем. В проклятом шатре было темно так, что хоть глаза выколи – разницы не будет. Я не видела ничего, но всем нутром чувствовала арманца, застывшего рядом. Ощущала тепло его тела. Взгляд. И губы, когда он снова прикоснулся ко мне.

Хотелось заорать. Дико, так, чтобы эхо отразилось от скал, но чудилось, что стоит сделать это – и чужак набросится на меня. И я сдерживалась изо всех сил, каждую минуту ожидая нападения. Но демон отодвинулся.

Я лежала, напряженно вслушиваясь в его дыхание. Спокойное. Ровное. Размеренное.

Уснул?

Я уснуть так и не смогла. Лежала до самого утра, невидящими глазами рассматривая темноту.

А когда тьма стала сереть, разбавляемая потоками утреннего света, осторожно перевернулась на бок. Арманец лежал на спине. Одна рука вдоль тела, вторая застыла на рукояти клинка, и я поразилась, как можно спать в такой позе. Лицо спокойное, глаза закрыты. Я присмотрелась, стараясь дышать как можно тише. Ресницы демона не дрожали. В детстве мы с Люком притворялись спящими, но удержать дрожь ресниц было почти невозможно.

Спит?

Я очень медленно пошевелилась – плавно, не меняя дыхания. Придвинулась ближе, рассматривая чужака. На черной одежде – многочисленные кожаные полоски, пересекающие тело и удерживающие оружие. Даже предплечье перетягивает полоска кожи, и за ней тускло блестит узкое, почти игловидное лезвие. Тонкое, длинное, такого как раз хватит, чтобы пробить сердце. Я передвинулась еще ближе. Тронула кончиками пальцев гладкую рукоять. Выдернуть, размахнуться, ударить! И все.

Вот именно… Все. Сердце арманца остановится, а мой эликсир сгорит в крови.

Я застыла, не сводя взгляда с оружия.

Что важнее? Отомстить или сохранить наследие крови?

Что важнее…

Мужчина все так же не шевелился.

Я хотела убить его.

Странно, я слышала, что людям приходится ломать себя, что это страшно, потому что нашей природе несвойственно убивать. Тем более это претит природе созидающих. Но я не чувствовала страха. Напротив, я мечтала об этом. Вонзить в сердце арманца сталь, почувствовать запах его крови, услышать, как замирает на его губах дыхание. Я даже улыбнулась, представив это. И

ужаснулась… Что со мной стало? Я ведь уверена, что даже насладилась бы этим зрелищем. Одно лишь воспоминание об отце, Таре и Мадлен в бирюзовом платье и с дырой в груди превращало меня в зверя, жаждущего крови. Мне даже было неважно, что будет потом, если мне удастся убить. Убежать от остальных я не смогу…

Единственное, что останавливало – эликсир. Я не могу его лишиться. Отец бы меня не простил.

Я убрала руку и отвернулась от арманца.

?

Странно, что удалось так крепко уснуть. Лежал, слушал дыхание девчонки, а потом вдруг провалился в сон, да так глубоко, как не удавалось уже долгие годы. Даже сон приснился. Яркий. Цветной. Наполненный светом и малахитовой зеленью трав. И смехом…

Удивительно.

И даже расстроился, когда она пошевелилась и разбудила меня. Я слышал дыхание девушки, ее осторожные движения. Знал, что она меня рассматривает. После крепкого сна внутри было так хорошо, что даже хотелось улыбнуться.

Чуть заметное прикосновение к наплечному коеру.

Занятно… Неужели решится?

Я удержался от смешка, поймав себя на мысли, что хочу этого. Хочу, чтобы она вытащила коер и ударила. Я все равно буду быстрее. Но мне хотелось услышать ее вскрик, когда я прижму ее к шкурам, заглянуть в зеленые глаза. И наказать ее. Если она ударит, то развяжет мне руки – и я возьму ее. Кровь застучала в горле, нутро заныло от желания. Ее запах возбуждал.

Но она этого не сделала.

Короткий вздох, и дикарка убрала руку. Отвернулась.

Я открыл глаза, неслышно повернул голову, рассматривая изгибы тонкого тела.

Жаль… впрочем, ничто не мешает мне сделать это и без игры. Но так не интересно…

?

Когда арманец встал и ушел, я еще полежала, делая вид, что сплю. Потом поднялась, поправила изрядно измятое платье, допила остатки воды и выглянула из шатра. Арманцы сворачивали лагерь, навьючивали ящеров. Я тихонько вышла. По мне скользнули взглядами, но никто не остановил. Дошла до клетки, протянула руку через прутья и почесала между ушами Шерри.

– Потерпи, – прошептала я.

Кошка рыкнула, выражая недовольство тесным пространством.

– Как вы приручили ее?

Я постаралась не вздрогнуть, услышав этот голос за спиной. Как чужак подошел, я не заметила.

– А как вы приручили ядовитых вирххаров? – не оборачиваясь, обронила я.

– Болью, – равнодушно ответил Линтар. – Это лучший способ дрессировки диких животных.

Я снова не обернулась, опасаясь, что на моем лице слишком явно сейчас читаются ненависть и отвращение.

– У нас другие… способы…

– У кого у вас, Ева? – вкрадчиво спросил он, и я застыла.

Потом медленно обернулась, вскинула голову.

– У людей.

Его губы изогнулись в усмешке. Глядя в желтые глаза, я безотчетно хотела отодвинуться, но заставляла себя оставаться на месте. Да и некуда отодвигаться, сзади – клетка.

– Что же делает вас людьми, Ева? – тихо спросил он. – И отличает от нас?

– Люди не убивают, словно звери.

– Серьезно? – он снова усмехнулся. – Боюсь, ты плохо знаешь людей, маленькая дикарка…

– Лучше тебя, – не удержалась я от грубости. – Я, по крайней мере, среди них выросла. И это были прекрасные люди. Самые лучшие на земле, самые достойные и благородные… – я осеклась, опасаясь разрыдаться прямо на глазах у этого чудовища.

В его лице ничего не изменилось, ни один мускул не дрогнул. Словно он вообще меня не слышал. Да если и слышал, что ему до моих эмоций? Пустое…

Он еще постоял, а потом просто развернулся и отошел, потеряв интерес. Я опасливо сходила в кустики и даже постояла там какое-то время, раздумывая, что, возможно, стоит попытаться сбежать. Но тут из тени беззвучно выдвинулась темная фигура того самого Хеара, и я чуть не заорала. Светлый дух! Неужели он все это время был здесь? Следил за мной? А я даже не заметила… Как ужасно… Я почувствовала, как мазнула лицо краска стыда, увидела в белесых глазах арманца усмешку. Подняв голову и выпрямив спину, прошла мимо, возвращаясь в лагерь.

Остановилась возле клетки с Шерри. Хеар приблизился, растянул губы в отвратительной улыбке. Я молча ждала, когда мне откроют и впустят внутрь.

– Ты поедешь со мной, – сказал этот арманец, и я поморщилась. Его голос отдавал ржавчиной и скрипел песком по стеклу. В нем тяжело расплывались

темные масляные цвета ртути и грязной буро-серой плесени. Он дернул меня за руку. – Пошли, дикарка.

Седло на ящере было довольно длинным и на удивление удобным. Хеар усадил меня перед собой, прижался, и я с отвращением передернулась от близости его тела.

Вирххары гораздо крупнее лошадей, и когда зверь поднялся, я с трудом удержалась от вскрика. Сидеть так высоко было непривычно и немного страшно. К тому же нервировали шипы по всему телу ящера, которые, как я знала, ядовиты. Но остальные арманцы, кажется, не переживали по этому поводу, так что и я постаралась расслабиться. К тому же зверь двигался на удивление плавно, почти без толчков. Широкие лапы с мягкими подушечками между когтей пружинили на горной дороге, смягчая неровности. Так что ехать на вирххаре могло быть даже приятно, если бы не Хеар. Уже через час его поведение стало беспокоить меня гораздо больше, чем ядовитые шипы ящера.

Арманец просто впечатывался в мое тело. Его дыхание тяжелело, а руки, держащие поводья, сжимались столь крепко, что вирххар недовольно мотал головой, не понимая приказы погонщика.

И вскоре я стала замечать, что мы отстаем от остальных. На горной дороге не удавалось двигаться быстро и шеренгой, ящеры с седоками выстроились в длинную линию. К полудню мы уже плелись в самом конце. А еще через полчаса отстали настолько, что впереди идущий вирххар уменьшился до размеров собаки.

Хеар бросил поводья, намотал мои волосы на кулак и дернул, заставляя откинуть голову. И впился мне в шею. Я думала, чтобы разорвать горло, и даже не сразу осознала, что он меня целует. Облизывает кожу, опрокидывая меня на себя, лихорадочно засовывая свободную ладонь мне под юбку. Его пальцы сжали мне ногу до синяков. Я закричала, забилась, пытаясь вырваться из его хватки. Но арманец лишь рассмеялся.

– Никогда не видел таких, как ты, – выдохнул он и дернул ворот моего платья, разрывая его. – Ты будешь моей… будешь моей, дикая энке…

Я снова закричала, но сразу же мой крик захлебнулся, потому что в рот проник язык мужчины. Он засовывал его в меня со стоном, почти с хрипом, получая явное удовольствие от моих попыток освободиться. Я на миг расслабилась, позволяя ему поверить, что сдалась, а потом резко сжала зубы на его губе, раздирая до крови. И сразу же ударила ребром ладони по шее. Все-таки жизнь со старшим братом хоть чему-то меня научила. С ящера я свалилась кулем, даже не знаю, каким чудом удалось не зацепиться за шипы. Упала, чуть подвернув ногу, но быстро вскочила и бросилась бежать. Куда – не знаю. Гонимая лишь желанием спрятаться. От Хеара, от арманцев, от всего этого ужаса, в котором очутилась.

Ступня зацепилась за корягу, и я с воплем свалилась, прокатилась вниз по склону и застонала, ударившись боком о поваленное дерево. И почти сразу сверху спрыгнул Хеар, прижал меня к земле, расплющивая своим весом, снова впился в губы с утробным, совершенно звериным рыком.

И отлетел от меня, словно его сдернули какой-то нечеловеческой силой.

Я отползла в сторону, прижалась к стволу, затравленно озираясь и сжимая на груди разорванное платье. Не знаю, как остальные арманцы так быстро оказались здесь. Но сейчас они смотрели на меня с высоты вирххаров. На красивых лицах – ни одного чувства, в светлых глазах – пустота. И самым равнодушным из них казался Линтар. Но видимо, Хеар знал своего повелителя несколько лучше. Потому что вдруг упал на колени, склонил голову, тяжело дыша.

И я заскулила, как щенок, когда эта голова отделилась от тела, а я даже не успела увидеть замах Линтара. Он холодно осмотрел своих солдат и кивнул. Никто не произнес ни слова, а арманец перевел взгляд на меня:

– Со мной поедешь.

Меня колотила такая дрожь, что, казалось, я не устою на ногах. Не знаю, как залезла на ящера, и снова вздрогнула, когда мужчина сел позади. Вирххары снова тронулись в путь и уверенно полезли вверх по склону, цепляясь когтями.

Линтар за моей спиной не произнес ни слова. И я тоже не знала, что сказать, только напряженно вслушивалась в его дыхание, ожидая, когда оно станет

тяжелым, рваным.

Но демон дышал спокойно и почти неслышно.

?

На привал остановились на вершине, где трава уже была схвачена изморозью. Дальше через ущелье – и уже через два дня будем в Ранххаре. Если бы не потеряли время из-за глупости Хеара, возможно, успели бы раньше.

Я посмотрел на спящую девушку.

Ловлю себя на том, что постоянно рассматриваю ее. За весь день она не произнесла ни слова. Ничего не спросила, не обвинила, не заплакала. Сидела ровно, смотрела сухими глазами и молчала.

Хеара не жаль. Мои приказы нельзя оспаривать. Нельзя даже думать о том, что им можно не подчиниться. Я приказал не трогать дикарку. Он ослушался. Так что получил свое.

К тому же он сделал лишь то, чего я от него ожидал.

Слишком алчно солдаты смотрели на девушку, слишком жадно вдыхали ее запах. Легче сейчас убить одного, для демонстрации силы, чем ждать, пока они набросятся на девчонку все вместе. А Хеар был самым нетерпеливым, похоть в его глазах не увидел бы только слепой. Уже в Идегоррии его желания стали явными, а несдержанность всегда ведет к поражению. Поражение солдат – поражение командующего… Ну что ж, еще одна демонстрация моей власти никогда не помешает. Подчинение должно быть полным, даже в мелочах…

Я не винил Хеара. Он всего лишь средство для достижения моих целей. Как и все вокруг. Да и как обвинять… Весь день сидя позади девчонки, ощущая ее тело и запах, я хотел сделать то же самое.

Хотел повалить ее на землю и впиться в эти сочные губы, хотел разодрать ее платье, которое она так судорожно сжимала тонкими пальцами, хотел вбиться в ее тело. Взять. Присвоить. Сделать своей. Хотел входить в нее с силой, с рыком,

со стоном. Хотел, чтобы она извивалась подо мной, откидывала свою рыжую голову, кусала губы… Этого хотели все, кто смотрел на нее.

Я уже начинал думать, что зря забрал ее из Идегоррии. Возможно, девчонку легче убить. Так и сделал бы, если бы не пообещал привезти Аярне в подарок дикую энке. И если бы не отправил летуна с извещением, что уже везу…

Я видел, как она смотрит на всех нас. С горячей ненавистью, с отвращением и страхом. А еще – презрением. Лесная девчонка презирала гордых арманцев, считала нас зверьем. Может, поэтому так хотелось ее наказать… Или что-то доказать?

Я усмехнулся, накручивая на палец красный локон. Такой гладкий и прохладный. Холодный огонь.

Интересно, Хеар жалел перед смертью о своем поступке? Ведь знал, что я убью его. Стоило ли тело дикарки его жизни?

Глава 3

Как ни пугающе звучало само слово Ранххар, но я уже мечтала добраться туда. Дорога выматывала меня настолько, что даже не оставалось сил на воспоминания. У меня болело все, что только может болеть. Волосы на голове и так были покрыты засохшей коркой крови, а когда я кувыркалась по склону, то вдобавок еще и ободрала себе руки и ноги. На боку расплылся ужасный синяк, искусанные губы потрескались. Мое светлое платье всего за несколько дней превратилось в жалкие лохмотья, приходилось придерживать разорванные края на груди. К тому же на том склоне осталась одна из моих туфелек.

И Создатель, как же я хотела искупаться!

Сейчас я сама себе напоминала дикую энке больше, чем когда-либо в жизни. Одно радовало: меня исправно кормили и давали воду. Только фрукты закончились, а остальная еда арманцев была для меня слишком непривычной и острой. Попробовав кусок вяленого мяса, я решила, что меня отравили – такой

пожар разгорелся внутри. А потом долго кашляла и утирала слезы, выступившие на глазах.

Белые демоны на меня почти не смотрели. Стоило мне выйти из шатра их повелителя, как головы с белыми хвостами на затылках слаженно отворачивались. Похоже, пример Хеара научил солдат многому. Я не знала, как относиться к случившемуся. Мои чувства словно уснули, и все происходящее я воспринимала как сквозь туман, не впуская внутрь себя. Потому что там, внутри, было так много боли, что какие-то другие переживания, казалось, уже не помещаются.

А еще я мерзла. Босая и в разорванном тонком платье, я постоянно тряслась от холода на этих затянутых ледком горных плато. Когда же начала чихать, кажется, этот факт дошел и до демонов.

Линтар оттянул мне голову за волосы, равнодушно осмотрел мои красные глаза, посиневший нос и бледные щеки. Я, не сдержавшись, чихнула.

– Что с тобой?

– А что, не видно? – огрызнулась я. – Заболела. Замерзла.

– Замерзла? – кажется, он удивился. И снова его губы скривились в усмешке, которую я уже ненавидела. – Люди такие хрупкие…

Я не сочла нужным отвечать и снова чихнула. Голова закружилась, и я не поняла, в какой момент покачнулась. Демон одним движением подхватил меня, прижал к себе. Подняла голову, глядя в его глаза. Он был такой высокий, что я не доставала ему даже до плеча.

– Ты плохо выглядишь для подарка, – в его голосе цвета железа скользнул сиреневый бархат насмешки.

– Какого еще подарка? – не поняла я.

Отвечать демон не стал, усадил меня в седло дракона и дал знак двигаться. Через час мы спустились с плато в долину, а потом я почувствовала запах.

Тяжелый, противный запах какой-то тухлятины, и вскоре обзор заволокло влажным желто-серым паром.

Ящеры остановились, а Линтар сдернул меня и куда-то поволок.

– Куда ты меня тащишь? – попыталась я возмутиться. Уперлась босыми ногами в землю, сопротивляясь. Но противиться арманцу было то же самое, что в одиночку пытаться передвинуть спящего вирххара.

– Отпусти меня!

Не обращая внимания на мои вопли и попытки освободиться, демон дотащил меня до круглой чаши, наполненной грязно-желтой жидкостью и затянутой все тем же паром. Здесь запах был совсем нестерпимым: воняло так, что мне хотелось закрыть нос или разучиться дышать. На некотором отдалении я увидела еще одну такую чашу, а дальше еще… По крайней мере, теперь я знала, откуда эта вонь.

– Что это за гадость?

– Залезай, – приказал арманец.

Я попятилась.

– В эту вонючую тухлятину? Ну уж нет…

Он схватил меня за руку.

– Залезай, Ева.

– Нет!

Я отвернулась, пытаясь отойти подальше от источника вони. Арманец приблизился, сжал одной ладонью мои запястья, а второй просто содрал с меня платье. Я выгнулась, но освободиться из его хватки оказалось невозможно. Закричала, когда он поднял меня на руки и кинул в желтую воду. К счастью, глубина оказалась небольшой, так что я вынырнула, отплевываясь, откинула

мокрые волосы и уцепилась пальцами за бортик. Линтар присел на корточки, рассматривал меня.

– Погрузись в дорххам, Ева. Полностью.

От вони у меня слезились глаза, было трудно дышать. Я снова расчихалась, пальцы соскользнули, и я ушла под воду. Снова вынырнула, нахлебавшись воды. Ее вкус был еще ужаснее, чем вид и запах. Тухлятина.

Я попыталась отплыть, чтобы вылезти чуть дальше, но демон покачал головой.

– Ты останешься в дорххаме, Ева.

– Ты сумасшедший… зачем? – прошептала я и снова чихнула.

И он снова не ответил. Впрочем, я, кажется, уже начала привыкать к этому жуткому запаху, даже глаза почти не слезились. К тому же, несмотря на ужасный вид, вода была горячей! И мое замерзшее тело постепенно начало отогреваться. Мышцы, сведенные болезненной судорогой, расслабились, накатила какая-то странная дремота, и одновременно с этим разум очистился. Я легла на спину, не спуская глаз с Линтара, застывшего на краю чаши, оттолкнулась от бортика. Доплыла до противоположной стенки и опустила голову так, что вода теперь полностью скрывала меня. Только лицо оставалось на поверхности – и то частично. Удивительно, но мне вдруг захотелось погрузиться в эту желтую воду еще глубже, уйти в нее целиком.

Фигура демона затянулась паром, поплыла, так что я его почти не видела. Я раскинула руки и погрузилась, улыбаясь. Задержала дыхание и ушла под воду полностью.

Мне было хорошо. В этом горячем пространстве цвета соломы и пепла хотелось остаться навсегда. И было наплевать, что воздух в груди заканчивается, что моему телу он нужен. Дышать не хотелось. Хотелось просто быть в этой бесконечности, слиться с ней, стать ее частью…

Сильные руки вытащили меня на поверхность, и мой рот инстинктивно открылся, втягивая воздух.

– Человек такой слабый… Не может сопротивляться власти дорххама, – насмешливо протянул над моей головой Линтар. И прижал меня спиной к себе.

Я замерла, всей кожей ощущая его тело. Надо же, даже раздеться успел… А я думала, чтобы снять все эти ремни с оружием, нужна целая вечность!

Удивительно, но сейчас осознание, что меня держит в воде обнаженный мужчина, никак не трогало. Меня вообще ничего не трогало. Блаженное спокойствие окутывало ватным одеялом, не пропуская испуг или волнение. При этом мысли оставались ясными, но страха – не было.

Демон откинулся на бортик и отвел рукой мои распущенные волосы. Я чуть повернула голову, с легкой заинтересованностью рассматривая, как красные пряди плывут по воде и переплетаются с его – белыми. Свиваются в жгуты, в одну красно-белую нить. Надо же, когда волосы арманца убраны, они не кажутся такими длинными.

Неожиданно стало интересно посмотреть на него с распущенными волосами. Я лениво зевнула, подвинулась, устраиваясь удобнее на его теле. С тем же спокойствием отметила возбужденное состояние мужчины, но никаких эмоций у меня это не вызвало.

Закрыла глаза.

– Что такое дорххам? – с равнодушным любопытством поинтересовалась я.

– Это… источник. Жизни, – в его голосе появился какой-то новый оттенок, и я прислушалась, стараясь его разобрать.

– Источник Жизни? Хм… И как же он действует? – не то чтобы меня это сейчас действительно волновало, просто захотелось вновь услышать голос арманца и новый цвет.

– Он… возвращает… жизнь. И силу, – тихо сказал Линтар. Его пальцы очень медленно прошлись по моему телу, почти невесомо коснулись груди. Задели острую горошину соска.

Какой же цвет в его голосе? Я никак не могла уловить.

– Даже мертвым? – почти безразлично спросила я. И снова потерлась о тело Линтара, потому что постоянно сползала.

– Живым… Ева… – он выдохнул мое имя, и перед закрытыми глазами все же вспыхнул этот ускользающий цвет. Да так ярко, что почти ослепил меня. Чистый алый, без малейшей примеси других оттенков, густой и насыщенный!

Я довольно улыбнулась, слизнула с губ влагу. Демон издал еще один вздох и потянул меня за волосы, заставляя откинуть голову.

– Открой глаза.

– Ты постоянно приказываешь… надоело, – лениво протянула я. И улыбнулась. Почему-то сейчас это казалось ужасно забавным.

– Ева. Открой глаза.

Я открыла. Просто чтобы посмотреть, как сильно он злится. В желтых глазах дрожало такое странное выражение…

– Ты похож на зверя, который собирается разорвать жертву, Линтар, – без эмоций сказала я.

– Что ты сказала? Назови еще раз… имя, – очень тихо переспросил он.

Я улыбнулась, не желая повторяться. Он вдруг резко перевернул меня, положил на себя животом и подтянул так, что теперь я смотрела прямо в желтые глаза арманца.

– А почему этот источник так воняет? – рассматривая его лицо, спросила я.

Он молчал, только смотрел в упор и сжимал зубы. Я заинтересованно уставилась на серебристые рисунки, которые начинались на его висках, спускались на шею и плелись дальше по груди. Раньше они были почти незаметны на светлой коже, а сейчас покраснели, образуя затейливую вязь.

– Не хочешь разговаривать? – поняла я.

– Нет, дикарка. Я не хочу разговаривать, – негромко подтвердил арманец. – Потому что все, о чем я думаю, это как раздвину сейчас твои длинные ноги и насажу твое тело на… себя. А потом выйду почти полностью. И снова войду в тебя, Ева… И буду продолжать это так долго, как только смогу…

Я пожала плечами. От его слов внутри нарастала сладкая боль. И мне хотелось, чтобы он сделал то, о чём сказал. Сейчас это казалось таким… правильным. Действительно, чем еще заниматься в этой желтой воде?

Он рвано выдохнул и положил ладони мне на спину, погладил, провел вдоль позвоночника. Я с любопытством прислушалась к ощущениям. Приятно…

Линтар поцеловал мою шею, ключицы, тронул языком ямочку у горла. Только к губам не прикасался. Хотя я видела, как он смотрит на них, когда отрывается на миг. Тяжело, жадно. Мое тело отзывалось, наслаждение рождалось где-то внутри, тянуло внизу живота. Он сжал мне бедра, прикусил кожу на плече.

– Ты ведь не девственна, дикарка? Нет? – хрипло прошептал он.

Мне вопрос показался смешным.

– Конечно, да, – со смешком ответила я.

Он вдруг замер.

– Что? – встряхнул он меня, отстраняясь. – Ты врешь мне? Скажи, что врешь!

– Зачем? – искренне удивилась я.

В его желтых глазах полыхнула такая ярость, что я испугалась даже сквозь окутавшее меня безразличие. Он вдруг откинул голову, сжал зубы так, что заходили желваки, и одним движением скинул меня со своего тела. Не ожидая такой подлости, я ушла под воду, захлебнулась и вынырнула, отплевываясь. Но даже не разозлилась, лишь глянула с любопытством и легким непониманием.

Линтар внимательно рассматривал меня, его взгляд задержался на моих губах. Он смотрел так пристально, что мне стало не по себе, и я чуть отодвинулась. Он как-то резко рванул за мной, потом замер, закрыл глаза. Откинул голову на бортик.

– К седлу вирххара приторочена сумка. Там… одежда. Оденься, Ева, – рвано бросил он, не открывая глаз. – Иди.

Я снова пожала плечами. Вылезать из такой горячей и ласковой воды не хотелось, но и смотреть на демона – тоже. Сознание слабо пробивалось сквозь дурман источника, и я сделала шаг к бортику. Вскрикнула, поняв, что наши волосы сплелись крепче, чем я думала. Встала, пытаясь разъединить красные и белые пряди, но вокруг пальцев словно образовывались водовороты, мешая мне. И неожиданно я разозлилась. Рванула свои волосы, обрывая, отделяя от держащих их белых. Линтар открыл глаза и молча смотрел на меня. Я разодрала свившиеся пряди и поплыла к бортику. Подтянулась на руках, вылезла, не обращая внимания на стекающую с меня воду.

Дорххам всё ещё не отпускал сознание, и я шла к вирххару совершенно спокойно, ни капли не волнуясь, что меня могут увидеть без одежды другие арманцы. К счастью, мне никто не встретился, а дракон Линтара лежал почти возле чаши, с явным наслаждением вдыхая запах и прищуривая янтарные глаза.

А я вдруг с изумлением поняла, что чувствую себя отлично. Вытянула ногу, осматривая коленку, на которой не осталось ни одной ссадины. После купания в этой странной воде с моего тела исчезли все раны и синяки, кожа стала гладкой, ровной и без повреждений. Горло не саднило, и внутри разлилось приятное тепло. Я чувствовала себя потрясающе здоровой и сильной. Настолько, что захотелось рассмеяться, что я и сделала с большим удовольствием.

Потом залезла в сумку, вытащила оттуда черные штаны и рубашку, хмыкнула. Конечно, одежда была ужасно велика. Рубашка доходила мне до колен, а в штанах я бы просто утонула. Поэтому надевать их не стала. Зато, усмехнувшись, вытерлась ими, как полотенцем. А потом просто сняла широкий кожаный пояс со своего изодранного платья и обернула вокруг талии, закрепляя рубашку. Ткань оказалась приятной на ощупь – словно бархат, и в то же время плотная и теплая. Неудивительно, что арманцы в такой одежде не мерзли.

Я вздохнула, перебрала босыми ступнями.

Подняла глаза на Линтара. Он уже был полностью одет и перетянут всеми своими ремнями с оружием. Просто удивительно, как он их так быстро надевает.

Встал в шаге от меня, молча рассмотрел.

– Туфли потеряла… – пробормотала я.

– Туфли… – арманец покачал головой, усмехнулся. Вытащил плащ, бросил мне. – Надевай. Отправляемся.

В седло он меня просто забросил, не слишком церемонясь, и издал длинный, мелодичный свист. Повинуясь призыву повелителя, из желтого тумана показались другие вирххары с седоками.

?

Дурман стал отпускать, когда мы почти спустились в долину. И вместе с желтым туманом уходила окутывающая меня безмятежность. И приходило понимание, что именно произошло в той чаше с желтой водой. Чем яснее я осознавала, что делал со мной арманец, тем хуже мне становилось. То, что я воспринимала правильным и естественным в дорххаме, сейчас заставляло меня сжимать зубы, чтобы не заорать в голос. Память услужливо показывала картины. Поцелуи. Прикосновения. Ласки. Там, где меня не трогал никто и никогда. Настойчивые пальцы. Влажное движение языка. Гладкая кожа, покрытая капельками воды. Мне хотелось выть от отвращения. И самое ужасное, что арманец понимал, что происходило. Он ведь сам сказал, что власть дорххама на него не действует…

Я повернула голову, взглянула в лицо мужчины. Промолчала, но, думаю, мой взгляд был достаточно красноречив, потому что арманец усмехнулся.

– Ты решила убить меня взглядом? – с насмешкой спросил он. – Очень страшно.

Я закусила губу, с трудом удерживаясь от того, чтобы не ударить по этому лицу. Желание увидеть в глазах Линтара боль было почти нестерпимым. Только я понимала, что не смогу причинить ее. Он не позволит.

– Ударь, – мягко сказал арманец, глядя мне в глаза. – Не сдерживайся, дикарка… ударь, – он придвинулся еще ближе – и я почувствовала его дыхание на своих губах. – Ударь меня, Ева. И я прямо сейчас завершу начатое. Даже не представляешь, как я хочу этого.

Я резко отвернулась, отодвинулась как можно дальше. Линтар положил руку поперек моего живота, притянул к себе.

– Жаль, что ты столь разумна, – так же мягко сказал он. – Впрочем, тебе это все равно не поможет.

Я застыла, не желая понимать, что он имеет в виду. Попыталась вывернуться из рук арманца, но в итоге оказалась прижата к его телу еще крепче. Злые слезы закипели в глазах, и я часто заморгала, стараясь стряхнуть их. Никогда не позволю убийце моего отца увидеть меня плачущей. Не позволю…

– Ты сказал, что я подарок, – резко бросила я, не оборачиваясь. – Для кого?

– С чего ты взяла, что можешь задавать вопросы? – лениво отозвался он.

– Я имею право узнать, что со мной будет.

– Разве?

– Да, – сквозь зубы прошипела я, все-таки не сдержавшись. – Ты убил моих близких. Разрушил мою жизнь. Отнял все, что было мне дорого и любимо. Да, арманец. Я имею право знать, что ты приготовил для меня дальше.

Какое-то время он молчал. Я не поворачивала головы, сквозь пелену слез рассматривая синие горы и ущелье, к которому мы приближались.

– Я подарю тебя принцессе Аярне.

Я чуть слышно вздохнула. Не хотела признаваться даже себе, что боялась оказаться предназначенной для увеселения какого-то арманца.

– Кто она?

– Моя невеста, – последовал спокойный ответ.

Я усмехнулась и повернула голову.

– Надо же, – с такой же насмешкой, как у него, протянула я. – На этой земле есть девушка, которая согласилась стать твоей по доброй воле? Или она тоже под действием какого-то дурмана?

Хотела задеть, но арманец вдруг рассмеялся, блеснув белыми зубами с удлиненными клыками. И наклонился, царапнув ими мне кожу на шее. И провел языком.

– Ты такая забавная, дикарка.

Я сжалась от его прикосновения, но арманец почти сразу отодвинулся. И больше не разговаривал со мной. А чем ближе мы подъезжали к Ранххару, тем меньше внимания он на меня обращал, кажется, полностью переключившись на свои дела и мысли. А когда я увидела на горизонте высокие шпили, почти протыкающие облака, и город, окруженный высокой каменной стеной, меня и вовсе пересадили обратно в клетку. Я осторожно отошла в угол, сморщившись от вони. Все же Шерри несколько дней провела взаперти, а убирать за кошкой никто не пожелал. Благо животное делало свои дела в одном месте, так что противоположный угол был относительно чистым. Там я и села, подтянула коленки к груди и укутала их плащом. Кошка подошла, устроилась рядом, заурчала, и я рассеянно почесала ее за ушами.

И усмехнулась. Какое жалкое зрелище стала представлять из себя принцесса Идегоррии…

Глава 4

К городу мы подъезжали, когда землю уже мягко укутывали сумерки, и потому я не смогла толком рассмотреть его. Да к тому же, стоило нам приблизиться к

городской стене, как арманцы накинули на клетку темное полотно, полностью лишив меня возможности что-то видеть. Впрочем, я была не против. Мысль, что меня провезут в клетке по улицам города, а горожане будут смеяться и улюлюкать вслед, как-то не сильно мне нравилась.

Я сидела, прислушиваясь к звукам – единственному источнику информации. Они не слишком отличались от звуков любого другого города. У нас в Виаре, столице Идегоррии, можно было насладиться тем же набором: стуком колес, шорохом шагов, голосами, хлопаньем ставней. Правда, здесь были и другие, незнакомые мне, происхождение которых я понять пока не могла. И еще меня удивил тот факт, что восторженная толпа не приветствует своего повелителя, как принято у нас. Даже когда король возвращался из летнего дворца в столицу, его всегда встречали толпы людей, крича приветствия и выстраиваясь живым коридором, чтобы увидеть повелителя и его детей хотя бы за окошком кареты.

А здесь было тихо.

Я искренне пожалела, что плохо слушала на занятиях Тару и почти ничего не знала об укладе жизни арманцев. Впрочем, не думаю, что и наставница знала намного больше моего. В основном она рассказывала легенды, которые можно отнести к разряду страшных сказок. Три века эта раса была отгорожена от нашего мира Стеной, став для нас воплощением зла, а поговорка «отправляйся в Ранххар» имела вполне понятное значение. Правда, мало кому действительно довелось тут побывать. А если кто и был, то вряд ли вернулся, чтобы рассказать.

Я уже привычно сжала кулаки. Я вернусь. Я все выдержу и вернусь в Идегоррию. Отомстив.

Клетку сдернули со спины ящера и куда-то понесли, так что я уцепилась за прутья. Шерри металась, жадно принюхивалась и рычала: кошке происходящее явно не нравилось. Впрочем, мне тоже. Но вот тряска закончилась – нашу тюрьму поставили на твердый пол. Ткань сдернули, и я зажмурилась на миг, ослепнув от яркого света.

– Мило, – протянул женский голос. – Она действительно так же дика, как горахха?

– Смотря кого ты имеешь в виду, Аярна, – отозвался ненавистный голос Линтара.

Я открыла глаза и осмотрелась. Скорее всего, это был внутренний двор, мощенный большими плитами красивого изумрудного оттенка. Прожилки на них сплетались в интересный и четкий орнамент. Кое-где плиток не было – на квадратах земли росли деревья с бурыми листьями и пряно пахнущими оранжевыми плодами. Под ними располагались низкие скамеечки, а чуть дальше виднелась стена здания.

А еще здесь было много арманцев, и что удивительно – женщин. Я с любопытством рассматривала ту, которую обнимал за талию Линтар. Значит, это и есть принцесса… Волосы такие же длинные, как у жениха, только распущены по плечам и отличаются цветом. Если у Линтара они совершенно белые, то Аярна могла похвастаться золотом в прядях. Надменное лицо с выразительными глазами, обведенными темной краской. Отсюда я не могла разобрать их цвет, но точно не белесые. Точеный носик, красиво вылепленные губы, изящная линия скул и четкий овал лица… Стройная, одетая в длинное розовое платье. Что ж, принцесса арманцев определенно была красавицей.

Я перевела взгляд за ее спину и удивилась, потому что увидела там… фойру?! В Ранххаре?! Но вряд ли у представителя другой расы могли быть такие светло-зеленые волосы и треугольное лицо, да и жабры я видела даже отсюда. Морская стояла, опустив глаза, и даже не посмотрела в сторону клетки.

Аярна шагнула ближе, пристально рассматривая меня. Шерри зарычала, и я положила ладонь на голову кошки.

– Фу, – сморщила свой красивый носик принцесса, – как воняет! Неужели эти дикари не знают об элементарных правилах гигиены! Как ужасно! И почему… на ней твоя рубашка? – нахмурилась девушка.

Я глянула на Линтара. Он тоже смотрел на меня, но выражения его глаз я разобрать не смогла. Принцесса шагнула еще ближе, почти вплотную подойдя к клетке.

– Фи, энке вовсе не так красива, как о них рассказывают! – заявила она. – Она скорее безобразна. Хотя что с нее взять, неразумное дикое животное…

Я сжала ладонь на загривке Шерри. А потом резко подалась вперед и рявкнула не хуже горной кошки. Шерри меня поддержала, огласив двор утробным рыком. Принцесса в ужасе шарахнулась назад, чуть не свалилась, запутавшись в длинных юбках, и если бы не Линтар, точно приземлилась бы на пятую точку. На ее лице появилось выражение такого ужаса, что я, не выдержав, расхохоталась.

Аярна гневно взмахнула рукой.

– Животное! Дикая тварь! – она обхватила руками шею арманца и прошептала, заглядывая ему в глаза: – Уведи меня отсюда… Прошу.

Я скривилась. Ее ужимки были понятны даже мне, но Линтар улыбнулся и обнял ее. Возможно, ему это нравилось, кто знает. Я вздохнула и поймала быстрый взгляд фойры.

?

Ночь я приготовилась коротать в клетке. Однако вскоре явился пожилой арманец и отпер дверь. Уверенно вошел внутрь, на миг положил ладонь на голову Шерри, а потом застегнул ошейник на шее кошки. Я смотрела на это с изумлением. Первый раз видела подобное. Чтобы наша зверюга вот так спокойно подпустила к себе чужака? Да еще и позволила нацепить на себя стальной обруч? Во дворце это удавалось лишь отцу…

Я загрустила и пропустила момент, когда арманец повернулся ко мне и как-то неуловимо быстро коснулся моего лба. И тут же отпрянул.

– Ты разумна.

Я фыркнула и посмотрела с любопытством. Больше всего меня заинтересовало то, что волосы арманца были черно-белыми. Одна сторона головы светлая, другая – темная.

– Вы маг? – догадалась я и кивнула на спокойно лежащую у его ног кошку. – Никогда такого не видела…

Он пристально посмотрел мне в глаза, словно пытаясь проникнуть в душу. Потом медленно кивнул.

– Я Ао. Светлейшая приказала отвести тебя в загон для животных, но ты разумна. Вероятно, произошла ошибка.

Я покачала головой. А принцесса, оказывается, мстительная.

– Ао? Это имя?

– Это – суть, – без улыбки ответил черно-белый арманец, не спуская с меня задумчивых глаз. И, отвернувшись, двинулся через двор: – Пойдем со мной.

Шерри послушно ступала рядом, жмуря свои зеленые глаза, и даже Ами выпал из спячки и кружил над нами. Но никуда не улетал, следуя за загадочным Ао. Я тоже пошла за ним, зябко поджимая ступни на холодных изумрудных плитах.

Я видела арманцев – с очень короткими светлыми волосами, в коричневых одеждах. И, наблюдая за их деятельностью, догадалась, что это слуги.

– Куда вы меня ведете? – спросила я.

Ао не повернул головы, но ответил. Голос у него был тихий и мягкий, но к нему хотелось прислушиваться.

– Я отведу тебя туда, где проживают такие, как ты.

– Такие, как я? Здесь есть еще кто-то из Идегоррии?

– Нет. Я не имел в виду место, где ты выросла. Забудь о нем. Теперь ты лая.

Я нахмурилась, пытаясь вспомнить значение этого слова.

– Значит, моих земляков в Ранххаре нет? – выяснить это хотелось сразу.

– Ты из мира с той стороны, – меланхолично поправил меня Ао. – Все остальное неважно.

– Почему? – удивилась я. – За Стеной много рас, и мы все разные.

– Есть арманцы. Есть другие. На этом все, – так же равнодушно протянул Ао.

За разговором мы прошли дворик и двинулись вдоль длинных построек. Основное здание оказалось в стороне, и там же остался яркий свет, пряные деревья, растительность и изумрудная плитка. Здесь же все было темным, что мне совсем не понравилось. Голый двор, мощенный черным камнем. Выглядело это угнетающе.

Ао толкнул небольшую дверцу. Нам навстречу вышла женщина с коротко остриженными волосами – одетая по-мужски, даже с оружием. Арманцы обменялись короткими взглядами.

– Позаботься о новенькой, Клира, – сказал Ао, не глядя на меня.

Та молча кивнула и сделала мне знак следовать за ней. Ао ушел, даже не попрощавшись. Я вздохнула. Гостеприимством тут и не пахнет. По-прежнему молча стриженая Клира проводила меня в небольшую комнатку с маленьким окном, кроватью, затянутой темным покрывалом, и прикроватным столиком. Больше здесь ничего не было, словно я оказалась в монашеской келье. Или в казарме солдата.

– Уборные в конце коридора, – даже голос у женщины оказался каким-то обезличенным. – Вещи тебе принесут.

– Благодарю, – сочла необходимым поблагодарить я.

Но Клира развернулась и ушла. Ничего не спросив и не вступая в разговор. Словно не человек, а деревяшка!

Я обошла маленькую комнатку, посидела на кровати. Окно узкое, словно щель, всего в ладошку шириной. Подумав, толкнула дверь, опасаясь, что меня заперли. Но нет. Высунулась в коридор, прошлась, прислушиваясь. Тишина угнетала.

Хотелось с кем-нибудь поговорить, чтобы выяснить, что это за место и какая судьба меня ожидает. Но если и были люди за черными дверьми, они не показались. Так что в полном одиночестве я помылась, кое-как собрала волосы и снова вернулась в коридор. Дошла до входной двери, толкнула. Она открылась. Но вот выйти я не смогла, словно проем был затянут невидимой пленкой. Тонкой, но прочной. Удивившись такому явлению и не придумав ничего лучше, я вернулась в отведенную мне комнату и легла на кровать. Конечно, я не отказалась бы поужинать, но вот накормить меня никто не соизволил.

И уже засыпая, я вспомнила, что означает у арманцев это слово – лая. И вздохнула обреченно. Лая значит «рабыня». Собственность. Вещь.

?

Аярна сегодня сама не своя. Видимо, дикарка ее сильно задела, а зная мстительный нрав принцессы, глупую Еву теперь можно только пожалеть. Впрочем, со своим подарком Аярна вольна делать все, что вздумает, меня это не волновало. Как только мы вошли в покои, Аярна прижалась к моей спине всем телом, скользнула ладонями вдоль бедер.

– Я так соскучилась, – промурчала она. – Ты напряжен. Позволишь остаться с тобой?

Я чуть поморщился. Сегодня мне нужны другие ласки, и общества принцессы явно недостаточно. Я хотел другого… Все же с Аярной во многом приходится сдерживаться. А я хотел совершенно не думать, отпустить огонь хоть на несколько мгновений.

– Не сегодня, – отвел ее руки. – Я устал.

– Все прошло благополучно? – равнодушно спросила она.

Аярну совершенно не волновал этот вопрос, и она задавала его исключительно из вежливости. И даже не ждала ответа. Да я и не отвечал. Политические вопросы не должны волновать принцессу, ее забота – будущие наследники. Так что просто пожал плечами.

Девушка снова попыталась меня обнять.

– Я хочу, чтобы мы скорее соединились в дорххаме, – прошептала она, заглядывая мне в глаза. – Хочу стать твоей, Линтар!

Она шептала что-то еще, но я не слушал, снова вернувшись воспоминаниями к тому, о чем старался не думать. Белые волосы, сплетенные с красными. Золотистое тело. Приоткрытые губы цвета сочной малины. Изумрудные глаза…

Проклятая дикарка. Не помню, чтобы хоть раз так терял голову от вида обнаженного женского тела. Источник Жизни почти не дурманит арманцев, и тем более он не влияет на наследников крови. Но когда я был там с Евой… Даже когда она сказала, что девственна, я готов был плюнуть на все и войти в ее тело. Да что там… Я обрадовался. Не знаю, как смог остановиться. Не хотел останавливаться. Хотел пролить ее девственную кровь на священной земле, хотел, чтобы она стала моей именно там.

Я усмехнулся воспоминаниям. Похоже, мне действительно нужно расслабиться. Ничего, в моей долине достаточно женских тел, чтобы вытеснить из головы всякие глупости.

За этими мыслями я почти забыл про Аярну, которая рассматривала меня, чуть прищурившись.

– О ком ты думаешь? – резко спросила она. – О ком ты сейчас думаешь, Линтар?

Я потянулся, отстегивая оружие.

– Ты забываешься, – не глядя на девушку, тихо сказал я.

Аярна осеклась, вскинула голову. Отошла к столику с фруктами и вином. Отщипнула золотистую виноградинку. И снова я вспомнил совсем другое лицо, тонкие пальцы, держащие гроздь… красные пряди…

Вот же…

– Дорога была утомительной, – намекнул я, желая, чтобы невеста ушла.

Прозвучало грубо, но мне не хотелось разговаривать. Я хотел, чтобы принцесса просто оставила меня в покое. А потом я бы вызвал какую-нибудь аерию и забылся в простых удовольствиях близости. Без разговоров и не сдерживаясь. Отпустив огонь, что выжигал мое нутро.

– Скоро приезжает Хром. Ты ведь помнишь об этом, Линтар?

Я поморщился, уже не скрываясь, и махнул рукой.

– Аярна, я действительно устал. Все вопросы относительно твоего брата мы решим завтра, если ты не против.

Она подошла, покачивая бедрами, провела пальчиком по моей щеке.

– Я хочу остаться, Линтар…

Я улыбнулся. Не знаю, что двигало сегодня принцессой, но она казалась искренней в своем желании доставить мне удовольствие. Впрочем, казаться искренней Аярна умела мастерски. Так что я чуть прикоснулся к ее щеке, провел языком.

– В другой раз, Светлейшая.

Она обвила руками мою шею, прижалась всем телом.

– Я так редко вижу своего будущего мужа! Ты все время занят!

Я снял с шеи ее руки, внимательно посмотрел в глаза принцессы. Аярна очень красива. И не глупа. Она прекрасно знает, чем является наш союз. И правила игры ее всегда устраивали, по крайней мере, мне так казалось. Или и здесь основное слово «казалось»?

И все же она права: я непозволительно редко бываю с ней. Всегда находятся более важные дела.

– Не думал, что у тебя есть время на скуку, – чуть улыбнулся я. – Разве твоя свита тебя не развлекает?

Она приоткрыла розовые губки, взмахнула ресницами.

– Линтар, неужели ты ревнуешь?

Я даже не сразу понял, о чем речь. Ах, да. Решила, что под «свитой» я имею в виду тех молодых кринтов, что подарил ей брат. Какая нелепость. Как я уже отмечал, принцесса неглупа. И знает, что с ней произойдет, если она войдет со мной в дорххам уже тронутой мужчиной. Но говорить этого я не стал.

– Разве можно не ревновать самую красивую девушку Пяти Долин? – спросил я, стараясь, чтобы в голосе не скользнула насмешка. – Я просто с ума схожу от ревности, Аярна.

Она чуть нахмурилась, все же уловив сарказм. И кивнула.

– Обещаю, что проведу с тобой завтрашний вечер, – сказал я, надеясь, что этого будет достаточно, и она оставит меня в покое.

– Только вечер? – девушка надула губки.

Когда-то мне это даже казалось очаровательным.

– Увы. Днем я созываю старейшин.

– Что ж, – Аярна отошла, поняв, что лучше не настаивать, вскинула голову и присела в церемонном поклоне. – Тогда буду ожидать вас завтра, мой повелитель.

Она ушла, а я вздохнул с облегчением и наконец-то разделся. Подошел к окну, проследил взглядом полет драконов. Они кружили над скалами, срывались камнем вниз, а потом снова взмывали вверх, рассекая воздух мощными крыльями. Долина погрузилась во тьму, но мои глаза без труда обозревали владения. Мысли текли спокойно и четко, я привычно решал в голове сразу несколько задач, продумывая, что скажу завтра старейшинам.

Но четкость мыслей снова сбилась, когда один из драконов выпустил огненную струю. Пламя озарило скалы – яркое, красное, словно пряди дикарки. И почти нестерпимо захотелось почувствовать их на пальцах.

И это мне не понравилось. Снова вспомнилось, как свивались в дорххаме наши волосы. Нелепость… Просто нелепость. Иногда и духи источников ошибаются.

– Варлений, – негромко позвал я, зная, что тот услышит даже шепот. И, конечно, дух сразу возник на пороге и склонился в поклоне.

– Мой повелитель. С возвращением.

– Старейшины прибыли? – спросил я.

– Как только мы получили летуна с приказом. Все ожидают ваших распоряжений.

Я кивнул, раздумывая над предстоящим разговором. Даже старейшинам я не доверял настолько, чтобы рассказать все. Значит, нужно решить, что именно я могу поведать. Ночь предстояла долгая, и не думаю, что сегодня мне удастся уснуть.

– Приведи мне кого-нибудь, – я задумчиво повертел в бокале красное вино, посмотрел на свет. Пригубил.

Варлений даже не улыбнулся. Хотя он никогда не улыбался, но отлично умел мне угождать. За это я его и ценил.

– Конечно, мой господин, – бесстрастно произнес он и всмотрелся в мои глаза, пытаясь уловить желания. И чуть нахмурился.

– На свой вкус, – раздраженно махнул я рукой. – Любую, – древний оставался на месте, и я приподнял бровь. – Тебя что-то беспокоит?

– Ваши желания, господин, – как всегда откровенно ответил он. Соврать мне древний не мог. – Я не могу их почувствовать… Ваш огонь отрезает меня.

Полностью.

– Я ведь сказал, любую, – рявкнул я, неожиданно разозлившись. – Неужели мне нужно думать еще и об этом?

– Простите, господин. Как скажете, повелитель, – древний склонился и исчез.

А я сел в кресло и закрыл глаза. Коснулся пальцами медальона на груди. Артефакт созидающих, символ власти. Одна из частиц моего наследства. Он поможет мне поставить на колени мир. А наследников крови я найду. Я всегда нахожу и беру то, что мне нужно…

Дверь открылась бесшумно, но я все равно услышал. Посмотрел на стоящую на коленях аерию. Черные волосы, черные глаза. Достойная представительница клана кочевников. Их женщины дикие, как ветер, неукротимые, как пустыня. Все же Варлений уловил, что я хочу сегодня чего-то неистового.

Девушка подползла ближе, облизывая губы. Я попытался вспомнить, видел ли я ее уже, но не смог.

– Мой повелитель… – красавица умело провела ладонью по моей ноге, обвела пальчиком бедро, коснулась напряженного живота. Закинула голову, глядя мне в лицо. Ее грудь тяжело вздымалась, на щеках проступил румянец.

Я склонился к ней, посмотрел в темные омуты глаз, отпуская огонь. Он лениво потек по рукам, отразился в глазах девушки, и она задышала часто и возбужденно. Надеюсь, кочевница сможет пережить эту ночь. Впрочем, меня это мало волновало.

Я приподнял ее подбородок, чуть улыбнулся.

– Приступай, – разрешил я и откинулся, отдаваясь ее губам и рукам.

Глава 5

Утром меня разбудили совершенно бесцеремонно: просто дернули за плечо, заставляя проснуться. Я открыла глаза, сонно поморгала, прогоняя дремоту.

– Поднимайся.

Стриженая Клира кинула на кровать сверток. Я села и развернула его, там оказалась коричневая туника, подобную я уже видела на прислуге, и обувь – подошва и шнурки, обвивающие ногу. Я натянула одежду и посмотрела вопросительно.

– Идем.

– Куда?

– Светлейшая желает тебя видеть.

– Аярна? – удивилась я.

– Светлейшая, – не меняя интонации, поправила Клира.

Я пожала плечами. Заплела косу и осмотрелась, раздумывая, чем завязать волосы. Женщина стояла в дверях, как истукан, кажется, даже не моргала.

– Мне нужна лента, – сказала я по возможности вежливо. – Или хотя бы веревка.

– Пойдем. Светлейшая не любит ждать.

Я вздохнула и оставила волосы как есть. Все-таки эти арманцы странные!

Мы прошли по уже знакомому дворику до белой стены дворца. Сегодня, при свете солнца, я смогла рассмотреть здание. Оно впечатляло. Огромные арочные окна, матовое стекло, вставки изумрудного и рубинового цвета украшают стены, а чтобы разглядеть шпиль, мне пришлось закинуть голову. И вдоль стен застыли статуи, выполненные с большим мастерством. И все они изображали… Драконов. Летящих или застывших на земле, с длинными изогнутыми шеями и приоткрытыми пастями. Огромные каменные изваяния, словно молчаливые и грозные стражи Ранххара.

Я ловила на себе взгляды встречающихся арманцев, в которых сквозило любопытство, впрочем, и сама осматривалась с интересом. Здесь все было чужое, инородное, но не лишенное своей красоты и изящества. Значит, и арманцам не чуждо чувство прекрасного, и почему-то меня это порадовало.

Внутри дворца было много оттенков зеленого и красного – видимо, эти цвета особенно любимы здесь. Чем дальше мы шли, тем роскошнее становились коридоры. У высоких дверей с затейливой резьбой мы остановились. Покои охраняли стражи, и Клира поклонилась им.

– По приказу Светлейшей.

Стражи не ответили, даже не кивнули, но двери открыли. Мы прошли анфиладу комнат, и я увидела принцессу, восседающую в кресле. Сегодня на ней было светло-зеленое платье, за ее спиной стояла фойра и расчесывала длинные золотые волосы Аярны. На меня принцесса кинула один неприязненный взгляд и скривила красивые губы.

Клира толкнула меня в спину.

– Поклонись Светлейшей, лая.

Я фыркнула, не желая склонять голову перед принцессой арманцев. И тут же получила хлыстом по ногам. От неожиданности вскрикнула, обернулась на Клиру с изумлением и испугом.

– Кланяйся, – снова приказала она.

Аярна уже смотрела с интересом. Сегодня я смогла понять, какой у нее цвет глаз: пыльно-розовый, словно лепесток цветка, что покрыт слоем серого налета.

Но пока я стояла, меня снова ударили по икрам. На этот раз сильнее, так что на коже выступила кровь. Я сжала зубы. Понимала, что веду себя глупо, что меня все равно заставят кланяться. Или убьют. Не думаю, что здесь кого-то сильно волнует моя жизнь. Но почему-то я не могла себя заставить склонить голову перед принцессой. Глупая гордость…

– Кланяйся! – прошипела Клира и снова взмахнула плетью, которая обожгла мне икры.

Ноги подкосились, и я упала на колени от боли.

Аярна рассмеялась.

– Вот видишь, дикарка. Так или иначе, но ты поклонишься.

Я вскинула голову, даже не скрывая ненависти в своем взгляде, и изумилась, когда Аярна вдруг вскочила и согнулась в глубоком поклоне. Слуги упали на колени. Я повернула голову и сразу наткнулась на взгляд желтых глаз. Конечно, кто же еще. Сам властитель Ранххара явился!

– Мой повелитель! – голос принцессы стал мелодичным и глубоким, словно индиго. – Я не ожидала увидеть вас в этот час! Какой приятный сюрприз!

– Вижу, ты развлекаешься, – безразлично произнес Линтар.

– Всего лишь преподаю дикарке урок вежливости, – отозвалась Аярна и бросила на меня недовольный взгляд. – Уберите ее. Она пачкает ковер. Клира, отдай дикарку загонщикам.

Я не поняла, что означает ее приказ, но увидела, как посмотрела на меня фойра – с откровенным ужасом.

– Моя госпожа так мало ценит мои подарки? – с легкой насмешкой спросил Линтар.

– Повелитель, ваши подарки всегда меня радуют! Но девчонка совершено неуправляемая. Вы только посмотрите в ее глаза – это животное! Право, она смотрит так, словно собирается перегрызть мне горло.

Я встала и вскинула голову.

– Что вы, я не стану этого делать. Побоюсь отравиться вашей кровью, – надменно сказала я.

В покоях повисла такая тишина, словно статуя дракона ожила и вылетела в окно. Потом глаза Аярны гневно сверкнули.

– В подвал! Немедленно! И не кормить! Я научу эту девчонку повиновению!

Клира схватила меня за локоть, но я выдернула руку.

– Я сама могу идти, – буркнула я.

Обратный путь мы снова преодолели в молчании. Я шла, грустно размышляя, кто тянул меня за язык и зачем я решила нахамить принцессе. Это трудно назвать умным поступком. Если я хочу выжить, то нужно затаиться, склонить голову и сидеть тихо-тихо, не привлекая к себе внимания. Кланяться арманцам, бить перед ними поклоны, лебезить… Создатель всего сущего! Как же это трудно… Как трудно поклониться, когда единственное желание – это вцепиться им всем в горло.

Странно, что сам повелитель не требовал от меня поклонов.

Клира шла чуть позади, и я повернула голову.

– А что значит – отдать загонщикам?

Женщина поджала губы недовольно, и я решила, что ответа не дождусь.

– Лучше тебе не знать, – хмуро сказала она, пожевала губу и добавила: – Тебе стоит поблагодарить повелителя. Он не позволил отдать тебя им.

От удивления я даже приостановилась.

– Разве? Не заметила. По-моему, ему просто не понравилось отношение к его подарку. Словно принцесса решила отдать на тряпки преподнесенное им платье! Вроде и все равно, но неприятно!

– С таким языком в Ранххаре ты долго не продержишься, – хмуро сказала Клира, но мне показалось, что ее глаза чуть смягчились. Впрочем, скорее всего лишь

показалось. Потому что когда мы стали спускаться по каменным ступеням в холодный подвал, она добавила: – Постарайся не заснуть. Внизу полно крыс, а у тебя ноги в крови.

Я посмотрела на нее с откровенным ужасом. Крысы?! О Светлый Дух!!! Да я их с детства боюсь до безумия! Клира открыла решетку и втолкнула меня в сырой каменный мешок. Я в панике осмотрелась, уже ожидая увидеть полчища огромных грызунов со светящимися в темноте глазами.

– Может, хоть лампу оставишь? – безнадежно спросила я.

Женщина чуть заколебалась, но мотнула головой.

– Нет.

И быстро пошла обратно к ступеням. Пятно света поплыло за ней следом, а я прикусила губу, понимая, что еще минута – и окажусь в кромешной темноте подземелья. Отошла к стене, прижалась к каменной кладке, пытаясь унять испуганно бьющееся сердце. Хлопнула тяжелая дверь, проскрипел засов, и стало совершенно тихо. Я напряженно прислушивалась, пыталась уловить скрежет когтей или шуршание по кладке длинных тонких хвостов. И мне уже казалось, что я слышу все это, что в темноте притаились сотни огромных крыс размером с собаку, и все они принюхиваются, водят носами, скалят желтые зубы, выжидая момент, чтобы напасть! А мне даже некуда убежать или спрятаться…

И вдруг меня осенило! Спрятаться! Но я могу спрятаться! Если только получится…

Я осторожно двинулась вдоль стены, касаясь ее рукой. Пока Клира со светильником была здесь, я успела заметить в углу кучу соломы и некое подобие тюфяка. Там же валялись какие-то куски, похожие на остатки глиняного кувшина.

Добралась до угла и ощупала пространство. Делать это было откровенно страшно: так и казалось, что пальцы нащупают что-то живое и шевелящееся. Но наткнулись они на глиняный осколок, и я радостно сжала его в ладони. Присела и попыталась сосредоточиться. В детстве мы с Люком забавлялись, строя друг

против друга баррикады и замки. Он словами, я рисунками… Но тогда это была лишь игра, сердце не дрожало в испуге, не болели разбитые икры…. И то получалось далеко не всегда. Одного эликсира тут мало, к сожалению…

Я вздохнула и закрыла глаза: все равно в этой кромешной тьме ничего не видно. Попыталась представить, что сижу на берегу возле Озера Жизни, поют птицы, а я рисую на влажном песке – просто так, для собственного удовольствия…

Но представить не получалось, потому что вместо птиц я уже явственно слышала шорох крысиных лап и попискивание, а рисовать на твердой, словно камень, земле, было неимоверно сложно. Но я старалась. Очертила вокруг себя полукруг, нарисовала стену, кирпичики и башенку с остроконечной крышей. Нужны были детали, но без света вывести их невозможно, так что оставила как есть. Тронула рукой и вздохнула с облегчением. Стена была. Неустойчивая, но она закрывала меня и смыкалась над головой, отсекая от всего мира. Призрачная, но не пропускающая ко мне грызунов. Я уже слышала их недовольное шуршание и скрежет когтей о неожиданно возникшую преграду. Свернувшись на соломе, я застыла, все еще сжимая в руке осколок.

?

– Когда я получу перстень власти? Он принадлежит мне по праву, – я обернулся в сторону хранителя.

Пятеро старейшин сидели за круглым столом и смотрели на меня не мигая. Лица древних не выражали ни одной эмоции, лишь наросты налились кровью, что говорило о волнении старцев. Но на них я почти не обращал внимания, сосредоточившись на хранителе. Я чувствовал, как он пытается проникнуть в мои мысли, но знал, что снова не сможет. Это всегда раздражало древнего.

– Вы знаете правила, повелитель, – дребезжащий голос хранителя силы разрезал тишину зала советов. – Артефакт будет вашим после вступления в брак. Конечно, если дорххам одобрит этот союз.

Я чуть склонил голову. Проклятые правила. Впрочем, мне все равно придется сделать это. Так к чему откладывать?

– Ритуал состоится, – холодно бросил я. – На восходе Синей Звезды.

Хранитель растянул в улыбке тонкие, бледные губы. Остальные старейшины тоже изобразили радость, даже их наросты пожелтели.

– Примите наши поздравления, повелитель. И надежду, что дорххам благословит ваш союз с принцессой и одарит наследником крови.

– Несомненно, – я тоже продемонстрировал благодарность.

Ххармон стал монотонно перечислять, сколько источников пересохло на востоке, что загонщики подошли к границе, и снова расцвел белый Цветок Тлена в ущелье. Я слушал вполуха. Положение дел в Долинах – не только в своей, но и во всех Пяти – я знал и без него. Солнце еще не окрасило мир, когда генерал стоял в моем кабинете с докладом. Но Ххармона я не перебивал. Правила…

До восхода Синей Звезды еще два дня. А после ритуала в дорххаме я надену перстень – значит, моя сила возрастет. Правда, артефакт предназначен для другой цели, но это неважно. Я направлю его силу туда, куда нужно мне.

И Аярна будет счастлива…

Мысли снова вернулись к утренним событиям. Идти в покои принцессы я не собирался, направлялся на Совет, когда почувствовал запах крови. Крови дикарки… Я уловил его через десять коридоров и бесчисленную анфиладу покоев, наполненных мешаниной других ароматов и запахов. И пошел туда, куда он звал, почти не задумываясь. Впрочем, я подозревал, что увижу в комнате Аярны. Только не думал, что это меня так разозлит.

И теперь мысль, что Ева заперта в подвале, почему-то тревожит. Хотя какое мне дело до нее? Но она такая хрупкая… Нежная. Она легко замерзает… А подземелье дворца такое сырое.

– Повелитель! – Ххармон сбился со своей монотонной речи.

Я вскинул голову, посмотрел с недоумением на красные наросты старейшин, а потом на свои руки. Бумага, лежащая на столе, медленно тлела под кончиками

моих пальцев, разгоралась. Я накрыл огонь ладонью и встал.

– Достаточно. На сегодня все. Благодарю.

Хранитель скривил тонкие губы, но я не обратил внимания и, развернувшись, вышел. Стражи беззвучно встали за спиной, тенями двигаясь следом.

– Варлений, – одними губами произнес я.

Дух возник рядом мгновенно.

– Мой повелитель…

Я повернул голову, посмотрел в светящиеся глаза и убрал огонь, позволяя духу увидеть мои желания.

– Приведи мне ее.

Он поклонился и растаял. Я чуть улыбнулся. Говорить Варлению, где искать дикарку, не было нужды. Дух Ранххара и так найдет ее уже через минуту.

Я шел и представлял, что уже сейчас дикарка лежит на моей постели и кусает свои прекрасные губы – испуганная, непонимающая. Ее волосы разметались по белому покрывалу, а зеленые глаза наполнены слезами. Эти мысли возбуждали меня…

?

Когда в подземелье возникло легкое серебристое свечение, я вскочила и зажала рот рукой, пытаясь не заорать. Светлый дух! Неужели он явился по мою душу? Сияние плыло в темноте, приближаясь, застыло возле решетки, приняв образ человека. Вернее, арманца. Если бы не легкое сияние вокруг его тела, я решила бы, что вижу живого демона. Длинные белые волосы, стянутые ремешками и спускающиеся почти до земли. Темные штаны, высокие сапоги, рубашка. Плечи укрывала то ли мантия, то ли плащ. На лбу – странные наросты, словно у вирххаров.

Я торопливо провела рукой по своей нарисованной стене, стирая часть рисунка и разрушая его. Кто бы ни был моим гостем, ему ни к чему знать о моих способностях.

Светящийся арманец остановился возле решетки, а потом просто прошел сквозь нее, подтвердив мою догадку, что он – дух. И, судя по материальности, довольно древний и сильный. Он замер, рассматривая меня с непонятным выражением на красивом лице. Потом протянул руку.

– Идем со мной.

Я поколебалась, но решила, что куда бы он меня ни повел, там будет не хуже, чем в этой темнице. И прикоснулась к светящейся ладони духа.

Глава 6

Но когда мы перенеслись, я подумала, что лучше бы осталась в подземелье. Почему-то с первого взгляда стало ясно, чьи это покои. Возможно, потому что они подходили ему: такие же лаконичные и сдержанные. Удивительно, но здесь не было роскоши, как в апартаментах принцессы, и цвета преобладали темно-бордовые, кофейные и белые. Такие комнаты могли бы понравиться даже моему отцу, с его тонким вкусом художника…

Тщательно скрываемая боль взвилась внутри, словно пламя. Я гнала от себя эти мысли, запрещала себе думать, понимая, что если свалюсь в бездну отчаяния – не выберусь. Я просто обязана выжить. Но порой казалось, что эта мука разъедает меня изнутри, пожирает, словно гадкий червь.

Дух исчез так же внезапно, как и появился. А я, не в силах усидеть на месте, прошла по комнатам. Зажжённый камин с затейливыми завитками, геометрический рисунок на ковре, широкая кровать. Резной столик с фруктами, орехами и вином, высокая дверь, ведущая на террасу. Я толкнула ее и застыла возле низких перил. Воздух просто закончился в груди, когда я посмотрела с высоты на раскинувшуюся Долину.

Черно-синий, немного темной охры и жженой умбры, вкрапления малахитовой зелени и самая малость кобальта. И очень много огня – красно-черного, жгучего, как перец, страшного, как смерть.

Я узнала этот пейзаж, который никогда не видела, но много раз рисовала. Вернее, пыталась нарисовать. Потому что моего мастерства явно не хватало, чтобы передать завораживающую и пугающую красоту Ранххара. И еще кое-что поразило меня так, что я чуть не вывалилась, засмотревшись. В вышине парили драконы. Самые настоящие, живые драконы! Я видела их полет над вершинами кобальтовых скал, головокружительные кульбиты и взмахи сильных изумрудных крыльев. И огонь, который вырывался из длинных шипастых пастей с наростами.

Руки просто зачесались схватить краски и нарисовать это невероятное зрелище!

– Осторожнее, дикарка. Здесь высоко, – голос арманца прозвучал так близко, что я непроизвольно вздрогнула от неожиданности, покачнулась. И в тот же миг сильные руки прижали меня к мужскому телу.

– Отпусти, – выдохнула я.

– Не сегодня, – со странной интонацией произнес Линтар, а перед глазами снова полыхнул алый цвет. И сразу арманец поднял меня на руки, развернулся и пошел в комнату.

Я посмотрела в желтые глаза и внезапно испугалась.

– Отпусти! Куда ты меня тащишь?

– В кровать, – он изогнул кончики губ. – Я тащу тебя в кровать, Ева. Или в кресло. Или на стол… мне сейчас без разницы…

Я похлопала глазами, непонимающе рассматривая его застывшее лицо. Потом все же поняла, о чем говорит арманец, и задергалась, пытаясь освободиться.

– Отпусти! Не смей! Не трогай меня!

Линтару мои движения, кажется, только нравились, потому что желтые глаза потемнели, налились золотом. Он положил меня на покрывало, придавил своим телом, прижался губами к шее.

– Я буду осторожен. Не хочу убить тебя.

– Отпусти!

Я вывернулась, взбрыкнула ногами, пытаясь отпихнуть его от себя или ударить. Но арманец рассмеялся.

– Ева, ты разве не знаешь, что сопротивление лишь распаляет мужчин? А мне и так трудно сдерживать свой огонь рядом с тобой…

Я не понимала, о чем он говорит, да и не хотела понимать. Единственное, что владело мной – страх и желание избежать этих прикосновений, этих ласк. Он целовал мою шею, одной рукой без труда удерживая оба моих запястья и придавливая ноги коленом. Горячие губы спускались все ниже, к вырезу туники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marina-surzhevskaya/ya-tebya-risuyu-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить